

Экономическая политика Веймарской республики

ЕВРОПА НА ГРАНИ

Адам ТУЗ^а

^а Профессор истории, Колумбийский университет города Нью-Йорка (413 Fayerweather Hall, MC2527, 1180 Amsterdam Avenue, New York, NY10027). E-mail: adam.tooze@columbia.edu

Аннотация

Спустя сто лет после начала Первой мировой войны йельский историк Адам Туз предлагает совершенно новый взгляд на нее, сосредоточивая внимание на заключительных годах конфликта и последствиях вплоть до Великой депрессии. В этот беспокойный период надежды на долгий мир и либеральный интернационализм столкнулись с насильственными потрясениями и возникновением тоталитарных режимов. Тогда же произошло рождение нового мирового порядка, в котором все крупные державы — как победившие, так и проигравшие в войне, — вынуждены были связать свою судьбу с Соединенными Штатами, ведущей экономической силой мира. В настоящей публикации представлены разделы книги, имеющие отношение к Веймарской Германии.

Ключевые слова: Веймарская Германия, Великая депрессия, Первая мировая война, международные экономические отношения.

JEL: N4, F5.

Публикуются фрагменты из книги А. Туза «Всемирный потоп. Великая война и изменение мирового устройства, 1916–1931 годы» (*Adam Tooze. Deluge. The Great War and the Remaking of Global Order, 1916–1931. L.: Penguin Books, 2014*), которая готовится к публикации в Издательстве Института Гайдара [2016].

Перевод с английского А. Гуськова

Оικονομία • Πολιτικά

OIKONOMIA • POLITIKA

ГЕНУЯ: КОНЕЦ БРИТАНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ

<...>

Спустя два года после подписания Версальского договора мирная обстановка вновь была омрачена ухудшением франко-германских отношений. В марте 1921 года плебисцит в Силезии закончился с предсказуемым результатом, вызвавшим волнения в Польше¹. В сочетании с продолжавшимися спорами вокруг репараций получался легко воспламеняющийся коктейль. Восстановление послевоенной разрухи истощало финансы Франции, в то же время в Германии временная денежная стабилизация, наблюдавшаяся с 1920 года, опасно пробуксовывала [Feldman, 1993. Р. 346–412]. Правительство Йозефа Вирта заявляло о готовности выплачивать репарации, но для покупки валюты оно использовало свеженапечатанные купюры. И хотя после последней стычки с поляками добровольческий корпус Freikorps был расформирован, угроза справа сохранялась. 4 июня 1921 года вышедший на прогулку с одной из сво-

¹ Из принявших участие в референдуме 40,4% высказались за вхождение Верхней Силезии в состав Польши, а 59,5% — за то, чтобы она осталась в составе Германии. — *Прим. ред.*

их дочерей Филипп Шейдеман, первый канцлер Веймарской республики, подвергся нападению с применением цианистого газа. Шейдеман выжил, но 24 августа принадлежавшие правым эскадроны смерти нанесли новый удар. На этот раз был убит Маттиас Эрцбергер². Правые националисты сводили счеты, накопившиеся еще с лета 1917 года, когда Эрцбергер и Шейдеман впервые выступили в рейхстаге с призывом к миру. Партии, поддерживавшие республику, осознавали опасность, но, когда в октябре 1921 года Лига Наций передала большую часть Верхней Силезии с ее тяжелой промышленностью Польше, они не смогли отделить себя от патриотически настроенных масс. Правительство канцлера Вирта, которое в марте 1921 года взяло на себя ответственность за выполнение поставленного Лондоном ультиматума, в знак протеста ушло в отставку. Вирту не оставалось ничего другого, как сформировать новый кабинет министров.

Но в этот раз безвыходная ситуация вокруг репараций была серьезнее, чем когда бы то ни было. Германские промышленники использовали возмущение в связи с силезским вопросом как повод для того, чтобы отказаться от выполнения договоренности министра иностранных дел Вальтера Ратенау о выплате репараций Франции натурой в виде поставок угля. Они также наложили вето на любое повышение налогов на прибыль. Теперь рейх был вынужден пойти на унижительные переговоры об условиях обеспечения частных международных закладных за счет общих владений германских бизнесменов и крупных землевладельцев. 12 ноября 1921 года на общем собрании ведущих германских бизнесменов, которое вел Гуго Стиннес³, как наиболее авторитетный предприниматель Рура, правые националисты потребовали в обмен на свое согласие отменить то, что было обещано в годы революции, включая восьмичасовой рабочий день, и приступить к приватизации всех производственных активов германского государства, в том числе Германской железной дороги (*Reichsbahn*) — самой крупной компании в мире. На таких условиях не могло работать ни одно демократическое правительство. А разобренным левым из СДП, НСДП и КПП⁴ не хватало голосов, чтобы провести решение о выплате репараций за счет введения высокого прогрессивного налога на частные состояния.

Осенью 1921 года рынок отреагировал на сомнительность финансовых устоев Германии и продемонстрировал неверие в ее способность выполнить свои долговые обязательства. К концу ноября курс марки упал с 99,11 до 262,96 за доллар. В Берлине пришлось задействовать силы полиции для сдерживания толп покупателей, запасавшихся импортными продуктами. Министр экономики Джулиус Хирш говорил тогда: «Вопрос не в том, каким будет курс доллара — 300 марок или 500 марок... Вопрос в том, сумеем ли мы сохранить свою независимость в существующей финансовой ситуации, захотим ли мы вообще оставаться независимыми» [Feldman, 1993. P. 388].

² Эрцбергер Маттиас (1875–1921) — рейхсминистр финансов Веймарской республики. — Прим. ред.

³ Стиннес Гуго (1870–1924) — в Веймарской республике депутат рейхстага от Немецкой народной партии. — Прим. ред.

⁴ СДП (SPD) — Социал-демократическая партия Германии, НСДП (USPD) — Независимая социал-демократическая партия Германии, КПП (KPD) — Коммунистическая партия Германии. — Прим. ред.

Будущее Веймарской республики висело на волоске, и все участники событий в Германии надеялись на помощь извне. Америка, похоже, решила не вмешиваться, поэтому к концу 1921 года в роли спасительницы Германии видели Британию. В декабре Вальтер Ратенау и Стиннес отправились в Лондон, чтобы обсудить сложившееся положение. Стиннес использовал собственную концепцию приватизации и разработал необычную схему, предусматривавшую получение кредитов от международного синдиката, созданного с привлечением англо-американского капитала, на проведение полной реорганизации всей железнодорожной сети Центральной Европы [Feldman, 1998]. Стиннес имел в виду создание системы, напоминавшей находившуюся под иностранным управлением железнодорожную дорогу в Китае. Основу этой системы, охватывающей основные магистрали в Австрии, Польше и на Дунае, будет составлять приватизированная германская *Reichsbahn*, находящаяся в «самом сердце сети железных дорог Восточной Европы» [Orde, 1990. Р. 177]. В ходе обсуждения вопроса с Ллойдом Джорджем Стиннес и Ратенау расширили свою схему, включив в нее и железные дороги России [Himmer, 1976]. Начиная с 1920 года советские торговые представители активно интересовались размещением крупных заказов на железнодорожное оборудование по всей Европе. Крупн уже обеспечил себе выгодный контракт [Linke, 1997. S. 82]. Ленин распорядился направить на импорт железнодорожного оборудования 40% всех советских золотых запасов, и теперь речь шла о приобретении 5 тыс. новых локомотивов и 100 тыс. вагонов. Эта программа импорта превосходила даже крупные контракты, заключенные во время войны царским правительством [Neuwood, 1999. Р. 6]. Наряду с гуверовскими⁵ продовольственными посылками восстановление транспортной системы было жизненно необходимым для возвращения России в европейскую экономику. Германия могла построить локомотивы, но в 1921 году она была не в состоянии предоставить кредит. Для этого и нужен был Лондон.

Просьба Германии была тщательно рассмотрена. К декабрю 1921 года кабинет министров Британии пришел к выводу, что, если выплаты по репарациям приведут Германию к кризису, то последствия этого кризиса для всей Европы «будут настолько катастрофическими, что просчитать их просто невозможно». Британия, при поддержке Америки, должна была взять инициативу на себя [Orde, 1990. Р. 170–178]. Перспективы такой конвергенции Британии и Германии встревожили и заставили действовать Францию. 18 декабря 1921 года вслед за немцами на Даунинг-стрит приехал французский премьер-министр Аристид Бриан [Martin, 1999. Р. 96].

Может быть, из тупика по вопросу о репарациях удастся выйти, если вернуться к предложению, которое Ллойд Джордж впервые сделал еще в марте 1919 года. Британия восстановит гарантии безопасности Франции, действие которых было приостановлено в связи с отказом конгресса США

⁵ Гувер Джон Эдгар (1895–1972) — директор Федерального бюро расследований с 1924 по 1972 год. С 1919 года начальник отдела общей разведки Министерства юстиции США, с 1921 года заместитель директора ФБР. — *Прим. ред.*

ратифицировать Версальский договор. Франция пойдет на значительные уступки Германии, как этого хотят американцы, и тогда можно будет возобновить кредитные потоки. Катастрофы удастся избежать. Теперь проблема была в том, чтобы определить цену, которую придется заплатить Британии. Сколько она готова отдать, чтобы обеспечить безопасность Франции? Если Франция вмешается в польско-германскую войну, то Лондон не сможет взять на себя обязательства по оказанию ей помощи. У Британии не было и особого желания заключать двусторонний военный союз с Францией. С Вашингтонской конференции Бриан возвращался, вдохновленный идеей создания регионального европейского пакта, аналогичного четырехстороннему пакту с Японией относительно территориальной целостности Китая. Он надеялся, что такое решение окажется приемлемым для Вашингтона⁶.

Ллойд Джордж предложил еще более грандиозный план. Если проблема в отношениях между Британией и Францией заключается в том, что французские союзники на Востоке не чувствуют себя в безопасности, а проблема с Германией состоит лишь в выплате репараций, то Ллойд Джордж готов предложить схему стабилизации и экономического восстановления стран Восточной Европы, включая Россию. В этом случае настойчивые с оттенком клаустрофобии требования Франции, пытающейся заручиться надежными двусторонними гарантиями собственной безопасности, приведут к примирению целого континента⁷. Одна большая дипломатическая сделка позволит убедить Советы принять условия экономического сотрудничества, разработанные в Брюсселе. Это станет основанием для того, чтобы направить в лежащую в руинах Советскую Россию сотни миллионов фунтов стерлингов, что сделает возможным одновременно возврат России в лоно капитализма и использование этих средств для возрождения германского экспорта. Германия заработает твердую валюту, необходимую для выплаты репараций, а это, в свою очередь, даст Франции возможность восстановить свою кредитоспособность в Америке. Регулярные выплаты в размере 50 млн фунтов стерлингов (200–250 млн долл.), которые Германия будет получать от торговли с Россией и передавать Франции, позволят Парижу взять кредит в размере 700–800 млн фунтов стерлингов (около 3,5 млрд долл.) и многое сделать для решения финансовых проблем [White, 1985. P. 45]. Непродуктивное противостояние Германии и Франции превратится в средство обеспечения экономического роста континента. <...>

II

4 января 1922 года в Каннах состоялась конференция Верховного совета Антанты, на которой Ллойд Джордж выступил с предложением о созыве в ближайшие месяцы экономической и финансовой конференции

⁶ [Documents on British Foreign Policy (далее — DBFP), 1974. Vol. 13–14. P. 57–58]. Перемены, на которые не так давно было указано, в: [Jackson, 2011]. Более подробно о том, что предшествовало этим переменам, см.: [Lauter, 2006. S. 232–242, 286–290].

⁷ Более подробно о том, что происходило в декабре 1921-го и январе 1922 года, см. в: [DBFP, 1974. Vol. 9].

с участием Германии и России. В отношении Советской России Каннская конференция приняла ряд решений, отражавших новый взгляд на мировой порядок. На конференции было четко заявлено, что государства не могут диктовать друг другу принципы построения систем собственности, внутренней экономической жизни или управления. Однако иностранные капиталовложения зависят от признания прав собственности, а правительства должны признавать государственные долги, должна быть обеспечена независимость судебной системы и безопасность валютных операций, кроме того, недопустимой является подрывная пропаганда. При соблюдении условий этого манифеста об искоренении любых угроз капиталистическому строю Советы могут быть вновь приняты в международное сообщество [Orde, 1990. Р. 180—182]. 8 января Москва согласилась принять приглашение на международную конференцию. Действуя в обход дискредитировавшей себя вильсоновской Лиги Наций, членами которой ни Германия, ни Советская Россия не являлись, британцы и французы пригласили другие заинтересованные стороны на встречу в верхах в итальянском городе Генуе.

Германии очень понравился такой подход британцев. Канцлер Вирт заявил послу Британии лорду д'Абернону, что «Германия является аванпостом Англии на континенте, или даже лучше сказать, аванпостом англосаксонской цивилизации. Нам, как вам и Америке, необходим экспорт, мы можем жить лишь за счет торговли. Именно такой должна быть политика наших трех стран» [Feldman, 1993. Р. 382]. Однако германская идея благотворной англо-американской финансовой гегемонии в Европе была всего лишь фантазией. Вашингтон не намеревался поддерживать взгляды Ллойда Джорджа. Помощь продовольствием — это одно, но сама мысль о ведении прямых переговоров с Советами была для Вашингтона совершенно неприемлемой, и он отказался от приглашения в Геную. В свою очередь, для Франции было очень чувствительным то, как Британия использует свою силу. Критики премьер-министра Бриана считали, что выдвинутая британцами идея общей европейской безопасности в меньшей степени обеспечивает защиту Франции, чем идея предоставления Германии иммунитета от активного принуждения к выполнению условий Версальского договора. Предложение пригласить на конференцию Советскую Россию, в то время как французские кредиты оставались неоплаченными, воспринималось как спорное [Martin, 1999]. А уж приглашение на конференцию, проходящую в дружественной обстановке, двух стран-изгоев представлялось чуть ли не самоубийственным.

<...> Генуэзская конференция приближалась, а Франции по-прежнему приходилось отчаянно отбиваться от требований иностранных кредиторов. Германия была на грани банкротства, а в Европе, где финансовая ситуация и без того была тупиковой, назревал новый кризис. После того как премьер-министром стал Пуанкаре, Комиссия по репарациям предоставила Германии временную отсрочку по платежам, но лишь при условии, что Берлин представит на утверждение Комиссии подробный план налогово-бюджетной консолидации [Martin, 1999. Р. 383]. Вопреки ожесточенному

сопротивлению германских предпринимателей, правительство Вирта выполнило требование союзников. Оно согласилось на то, чтобы поднять налоги, взыскать обязательные внутренние долги, взимать таможенные пошлины золотом, поднять внутренние цены на уголь и повысить железнодорожные тарифы, обеспечить автономность Рейхсбанка и ввести валютный контроль, препятствующий оттоку капитала [Feldman, 1993. Р. 410–431]. Важным элементом такой налогово-бюджетной консолидации был давно обещанный отказ от субсидирования продуктов питания, который позволял сэкономить миллиарды марок, но требовал повышения цен на хлеб на 75%. Политические издержки были очевидны.

В начале февраля 1922 года при канцлере Вирте произошла единственная крупная забастовка рабочих государственного сектора за всю историю Германии. Сначала Вирт намеревался принять жесткие меры, используя чрезвычайные полномочия, предусмотренные конституцией Веймарской республики. Но даже Карл Зеверинг, который в 1920 году стоял во главе восстания коммунистов в Руре, а теперь занимал пост министра внутренних дел Пруссии, действуя достаточно жестко, делал тем не менее всё, чтобы избежать всеобщей конфронтации. «Следствием станут грабежи и нехватка продуктов. Потом в качестве последнего средства будет задействован рейхсвер, а затем мы получим гражданскую войну» [Feldman, 1993. Р. 421]. Такого развития событий удалось избежать, но выплаты по репарациям, срок которых подходил 18 марта 1922 года, опустошили валютные запасы Рейхсбанка. 21 марта 1922 года Репарационная комиссия заявила, что Германия может приостановить выплаты до 15 апреля, но при условии, что она сейчас же даст согласие на проведение в ближайшие недели налогово-бюджетной консолидации. Рейхстагу до конца мая предстояло провести голосование по вопросу о сборе дополнительной суммы в 60 млрд марок в виде налогов. По сути дела, государственная финансовая система Германии была под международным надзором. Находившиеся в Париже переговорщики по вопросам репараций предупреждали Берлин, чтобы тот не проявлял чрезмерного усердия. Угрозы, прозвучавшие 21 марта, были на самом деле смягченным вариантом еще более далеко идущих требований, выдвигаемых Францией. В Париже вновь зазвучали разговоры об «османнизации» Германии [Feldman, 1993. Р. 431–434]. Правительство Германии восприняло эти новые требования как серьезное нарушение суверенитета государства и новую попытку низвести Германию до уровня стран второго или третьего разряда, включив ее в число тех, которые однажды были вежливо названы семьей народов. И если правила устанавливал не Ллойд Джордж, а Пуанкаре, то обоснованность визита Ратенау и Стиннса в Лондон в декабре 1921 года оказывалась под вопросом [Maier, 1975. Р. 282–283; Berg, 1990. S. 108–109].

Штреземан⁸ и Ратенау всё с большим отчаянием обращали свои взоры в направлении Соединенных Штатов. Выступая в рейхстаге, Ратенау

⁸ Штреземан Густав (1878–1929) — рейхсканцлер с августа по ноябрь 1923 года и министр иностранных дел Веймарской республики с 1923 по 1929 год. — *Прим. ред.*

заявил, что «никогда прежде ни одна страна не держала судьбы континента в своих руках так крепко, как это делает сейчас Америка» [Fink, 1991. Р. 83–86]. Призывы Ратенау не находили отклика в Вашингтоне. Администрация Гардинга⁹ ни на шаг не отступала от позиции, впервые сформулированной Гувером для администрации Вильсона¹⁰ в мае 1919 года. Лучшим способом заставить европейцев прийти к удовлетворительному решению может быть только отказ Америки от вмешательства в европейские дела. Европейский кризис с репарациями, как и вызванный дефляцией экономический кризис 1920 года, будет продолжаться до тех пор, пока не возобладает построенная на деловых интересах логика восстановления [Link, 1970. S. 174].

III

<...> В Генуе много говорилось о том, что эта конференция знаменует новый этап в европейской политике, представляя собой первую мирную конференцию после окончания войны, в которой принимают участие все. Но ничего, кроме полного разочарования, эта конференция не принесла. В Лондоне многие не скрывали недовольства компромиссами, которые сам Лондон и предлагал [White, 1985. Р. 82–94]. В частных письмах и заметках в дневниках члены британской делегации не стеснялись в выражениях. Главу делегации Германии, одного из самых ярких представителей Веймарской республики Ратенау называли «облысевшим еврейским дегенератом». Большевиков британцы восприняли как «персонажей пантомимы, вышедших с подмостков театра на Друри-лейн... Чичерин выглядит именно так, как должен выглядеть дегенерат, которым он, собственно, и является... А потом, кроме него и Красина... там сплошные евреи». «Очень неприятно думать, — писал другой член британской делегации, — что в центре внимания здесь находятся наши будущие отношения с ними» [DBFP, 1974. Vol. 19. Р. 393].

В самом начале обмена мнениями на конференции Чичерин привел хозяев в замешательство, заявив, что Советская Россия выступает за мир и разоружение [DBFP, 1974. Vol. 19. Р. 348–351]. Это была более мягкая линия интернационализма, чем та, которой придерживался Коминтерн, когда требовал от своих филиалов в Европе готовиться к гражданской войне [White, 1985. Р. 107–109]. Переговоры осложнились еще больше, когда речь зашла об условиях возвращения Советов в международное сообщество. Западные державы настаивали на правах своих кредиторов. Советы выдвинули встречные требования, предъявив счет на репарационные выплаты в размере 50 млрд золотых рублей (3,6 млрд долл.) в качестве компенсации ущерба, нанесенного в ходе интервенции союзных войск во время гражданской войны. Для того чтобы сорвать Генуэзскую конференцию, было достаточно и утвержденной в Каннах повестки дня, в которой содержались

⁹ Гардинг Уоррен (1865–1923) — 29-й президент США с 1921 по 1923 год. — *Прим. ред.*

¹⁰ Вильсон Вудро (1856–1924) — 28-й президент США с 1913 по 1921 год. — *Прим. ред.*

противоречивые требования невмешательства и защиты прав собственности. Без серьезного обсуждения остался вопрос о том, возможны ли новые капиталистические инвестиции в социализм. Дискуссия так и не вышла за рамки вопроса об огромных внешних долгах. Готова ли Россия платить? Возможным представлялся компромисс, предусматривавший списание долгов союзникам в обмен на признание обязательств, взятых царским правительством перед войной. Но Советы в любом случае не собирались договариваться. Радикально настроенные члены делегации, возглавляемой Адольфом Иоффе, в полной мере использовали ленинскую формулу «разделяй и властвуй».

В качестве главной Москва ставила перед собой задачу не допустить, чтобы фантазии Ллойда Джорджа о гегемонии британо-французско-германского консорциума в России осуществились. В партнеры себе она выбрала Германию, доверие которой к грандиозным планам Ллойда Джорджа сильно пошатнулось, после того как в марте возник кризис в вопросе о репарациях. Германия опасалась, что истинная цель конференции заключалась не в том, чтобы обеспечить общий мир, а в том, чтобы возродить направленный против Германии союз. Эти опасения всячески подпитывались консерваторами в министерстве иностранных дел Германии, выступавшими за соглашение между Россией и Германией [Fink, 1991. Р. 60]. Подтверждали эти опасения и поступавшие в Геную тревожные сообщения о том, что Франция и Британия могут поддержать требования Москвы к Германии о выплате репараций, оказав тем самым России помощь в выплате долгов царского правительства. Ратенау узнал о том, что между Россией и западными державами ведутся отдельные переговоры, и это повергло в панику всю германскую делегацию. Необходимо было любой ценой предотвратить создание новой антигерманской коалиции.

Ранним утром Пасхального воскресенья, 16 апреля, Ратенау, отказавшись от своей прежней позиции в поддержку соглашения с Западом, принял приглашение провести отдельные переговоры с советской делегацией на ее вилле в пригороде Генуи [Himmer, 1976. Р. 146–83]. К половине седьмого вечера того же дня германская и советская делегации подписали так называемый Рапалльский договор. Конференция была сорвана. Смелая инициатива Ллойда Джорджа, направленная на обеспечение общеевропейской безопасности, закончилась подписанием соглашения о взаимном признании и сотрудничестве двух стран-изгоев — Германии и Советской России. По признанию самого Ллойда Джорджа, «при общей численности населения более двухсот миллионов человек сочетание технического превосходства Германии с природными запасами и трудовыми ресурсами России» представляло собой «ужасную опасность для мира в Европе» [Siegel, 2014. Ch. 5]. Перед Францией это соглашение открывало действительно ужасающие перспективы. Показательно, что атмосфера недоверия, царившая в Генуе, заставила Париж немедленно прийти к выводу о том, что Лондон с самого начала замышлял заключение русско-германского соглашения [Fink, 1991. Р. 174–175]. На самом деле это соглашение обернулось катастрофой и для самого Ллойда Джорджа. Вся грандиозная конструк-

ция, предусматривавшая использование России для примирения Германии и Франции, рухнула.

Хотя Вашингтонская конференция считалась неоспоримым успехом, а Генуэзская — полным провалом, у этих масштабных построений имелась одна общая черта: в них просматривалась тенденция недооценивать силы, полагавшие необходимым коренным образом изменить сложившееся после окончания войны положение. <...>

Правительство Германии номинально признавало свои обязательства, но испытывало серьезный соблазн присоединиться к клубу стран-инсургентов. Заключив Рапальский договор с Советами, Германия установила дипломатические отношения с Китайской Республикой, что вызвало нескрываемую радость Ататюрка в Турции [Gökyay, 1997. P. 119]. Конечно, финансовое положение Германии было очень тяжелым, но сближение с Советской Россией, Китайской Республикой или с мятежной Турцией, входившими в лигу стран-изгоев, было самонадеянной фантазией националистов. Версальский договор строился на признании суверенитета Германии. В августе 1921 года Вашингтон формально вышел из состояния войны, заключив с Веймарской республикой сепаратный мир на очень благоприятных для нее условиях. Британия очевидно желала реинтеграции Германии в мировую экономическую и политическую систему. Озабоченность Франции можно было легко обернуть на пользу Германии. Ллойд Джорджу нужна была лишь приверженность Германии версальскому процессу. Сторонняя сделка в Рапалло привела к результату, противоположному ожидаемому. Если сравнивать ее с Realpolitik эпохи Бисмарка, то это была Realpolitik, лишенная оснований. Если предположить, что Рапальский договор был не тщательно просчитанной силовой игрой, а чем-то вроде боевого клича или жеста национального сопротивления, то тогда возникает вопрос: насколько далеко была готова пойти Германия? [Berg, 1990. S. 109; Maier, 1975. P. 284]

К чему может привести сделка в Рапалло, показала кровь, пролившаяся 20 июня 1922 года, когда группа правых боевиков застрелила промышленника Вальтера Ратенау около его виллы в Грюнвальде. Рынок дал свой ответ на уличные демонстрации сторонников республики. В течение недели после убийства Ратенау курс марки упал с 345 до 540 за доллар [Feldman, 1993. P. 450]. Готовы ли правые в своем выяснении отношений с западными державами пойти на риск гражданской войны и экономического хаоса? Этот вопрос витал в воздухе с самого начала перемирия. <...>

ЕВРОПА НА ГРАНИ

Менее чем через неделю после потрясшего всех сообщения о сделке в Рапалло между Советской Россией и Германией, недавно созданная комиссия конгресса по вопросам военных долгов направила в Париж официальный запрос о представлении плана платежей в погашение долга Франции перед США, составлявшего 3,5 млрд долл. [Martin, 1999. P. 132–150]. Три дня спустя, 24 апреля 1922 года, премьер-министр Пуанкаре выступал на митинге в своем родном городе Бар-ле-Дюк [Lauter, 2006. S. 292–301]. При

всём стремлении к союзу с Британией и Америкой, заявил он, Франция оставляет за собой право действовать против Германии и, если потребуется, применить силу. Летом Госдепартамент командировал в Европу Джека Моргана¹¹, надеясь, что частный заем поможет разрешить сложную ситуацию с выплатой репараций [Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: Lansing Papers (далее — FRUS: Lansing Papers), 1922. Vol. 1. P. 557–558]. Однако Пуанкаре отверг предложения банкиров [Link, 1970. S. 122–147]. Без продвижения в вопросе выплаты долгов внутри Антанты не может быть никаких уступок в вопросе о выплате репараций. Морган не решился выступать в роли судьи. Возможно, Франция права, предпочитая военные действия финансовой стабилизации Германии. Но в этом случае не может быть и речи о дальнейших кредитах. Американские инвесторы не будут «покупать себе сложности» [Schuker, 1995. P. 56].

Еще зимой 1921–1922 года Ллойд Джордж надеялся, что экономика сможет преодолеть жесткие разногласия, разделявшие Европу, но теперь Франция была готова применить силу, чтобы определить условия финансового урегулирования. О применении государством силы говорилось совершенно в открытую. В Париже подсчитали, что расходы на отправку французских войск в Рур, в самое сердце промышленного запада Германии, составят всего 125 млн франков. Добыча каменного угля на шахтах Рурского угольного бассейна может ежегодно приносить до 850 млн золотых франков. Получалось, что военная оккупация запада Германии может принести Франции значительный доход [Liberman, 1996. P. 87–98]. Правда, она вела к кризису, в результате которого Германия оказывалась на грани развала, а Британия и Соединенные Штаты были вынуждены вернуться к вопросам европейской политики. Франция тоже рисковала. Конфронтация с Германией вызовет протесты ее союзников и спровоцирует спекулятивные атаки на французскую валюту. Но и существовавшее положение не обеспечивало безопасности Франции.

I

<...> К концу ноября кабинет министров Пуанкаре принял решение, что если Германия объявит еще один дефолт, то выполнение Версальского договора возьмет на себя французская армия.

Какова будет реакция остальных членов Антанты? Можно было рассчитывать, что Бельгия, помня об ущербе, нанесенном ей Германией, поддержит такой способ взимания репараций. Британцы оставались в стороне. В октябре 1922 года новым премьер-министром Италии стал Бенито Муссолини. Дуче был деятельным человеком — бывший социалист и глава парламентской группировки. Деятельность его *squadristi*¹² начиная с 1919 года не могла не вызывать неприятия у любого, кто выступал за верховенство права. Однако к 1922 году Муссолини дистанцировался от наиболее

¹¹ Джон Пирпонт «Джек» Морган (1867–1943) — американский банкир. — Прим. ред.

¹² Политические отморозки. — Прим. ред.

компрометирующих членов собственного движения и пользовался явной поддержкой ряда наиболее влиятельных групп итальянского общества. Что бы о них ни говорили, фашисты определенно были антикоммунистами. Для французов главным было то, что вся карьера Муссолини строилась на его участии в войне. Он громче всех выступал на митингах против «мира без победы». Обеспокоенность агрессивными выходками фашистов возникнет позже. В 1923 году Муссолини не стал бы препятствовать действиям Франции против Германии [Shogrock, 1975. P. 591–610]. Именно это хотел знать Париж.

11 января 1923 года толпы возмущенных гражданских немцев в недобром молчании наблюдали за тем, как части французской армии, дислоцированные на Рейне, в сопровождении батальона бельгийской пехоты и чисто символической группы итальянских инженеров вступают в Рур. Это вторжение было наглядной демонстрацией французского военного превосходства в Европе. В состав французской передовой группы входил крупный мобильный отряд, включающий танки и грузовые машины для перевозки пехотинцев. Французский генеральный штаб намеревался продвинуться в глубь Северо-Германской низменности. Эта военная операция не встретила бы никаких помех на своем пути, но шестидесятитысячный французский контингент закрепился в Рурской области, жестоко подавляя протесты местного гражданского населения. В марте Рур и Рейнская провинция были административно отделены от остальной Германии. Андре Мажино, ветеран войны, имевший ранения, выступая во французском парламенте, призывал стереть Рур с лица земли, поступив с Германией так же, как она вела себя на севере Франции [Martin, 1999. P. 165]. Но Пуанкаре думал не разрушать Рур, а добывать там уголь.

Немцы отвечали пассивным сопротивлением. Шахтеры отказывались от подземных работ, железные дороги бездействовали. Из 170 тыс. служащих Рейхсбана сотрудничать с французами согласились 357 человек. В наказание железнодорожные рабочие и государственные служащие с семьями были насильно выселены из зоны оккупации, при этом часто на сборы им отводилось лишь несколько часов. Всего выселению подверглись 147 тыс. мужчин, женщин и детей [Fischer, 2003. P. 86–107]. Четыреста железнодорожников были приговорены к длительным срокам тюремного заключения за саботаж. Восемь человек погибли в стычках с оккупационными войсками. Для предотвращения нападений на каждом поезде, вывозившем уголь во Францию, размещали заложников [Fischer, 2003. P. 176]. Всего погибло не менее 120 жителей Германии [Krumeich, Schröder, 2004. S. 207–224]. Это составляло лишь малую долю от тысяч гражданских лиц, казненных солдатами кайзера в Бельгии и северной Франции во время войны. Но насилие, которым сопровождалась оккупация, подтвердило высказывания немецких наблюдателей о том, что при новом порядке линия, отделявшая войну от мира, безнадежно стерлась. О каком мире может идти речь, когда значительная часть Германии оккупирована вооруженными силами, а население подвергается жестоким преследованиям? И если это мир, то что тогда война?

16 января 1923 года правительство в Берлине заявило об официальной поддержке сопротивления в Руре. Последствия этого оказались разрушительными для финансов рейха и для всей экономики Германии. Обменный курс рухнул с 7260 до 49 000 марок за доллар. Подскочили цены на предметы первой необходимости, в том числе на продукты питания и сырье. Пытаясь удержать падение марки, рейх выбросил оставшуюся валюту на рынок и скупал марки, стремясь искусственно поддержать курс обмена валют. Правительство убедило крупные промышленные группы и профсоюзы забыть о недоверии и заморозить зарплаты и цены [Feldman, 1993. Р. 637–669; Maier, 1975. Р. 367–376]. Но было очевидно, что ситуация непоправима. Лишенной Рура Германии валюта требовалась хотя бы для того, чтобы закупать уголь. 18 апреля наступил крах. В июне за один доллар давали 150 тыс. марок. В Руре в обороте находились значительные суммы валюты, и к 1 августа за один доллар давали уже 1 млн марок. И если выражавшаяся двузначными числами инфляция с 1921 года как-то ограждала Германию от мировой рецессии, то гиперинфляция 1923 года привела к полному параличу (табл. 1). Люди на крупных сталелитейных заводах и шахтах Рура голодали, а крестьяне отказывались отдавать урожай за деньги, которые уже ничего не значили. Из Рура в Германию пришлось эвакуировать 300 тыс. голодающих детей, десятки человек погибли и сотни были ранены в ходе панических голодных бунтов [Feldman, 1993. Р. 705–766]. Но и сама Германия была в состоянии обеспечить лишь относительную безопасность. Марка продолжала падать, и в конце августа за доллар давали уже 6 млн марок. Предположительно около 5 млн человек — четверть всего трудоспособного населения — были отправлены в отпуска или работали неполный рабочий день.

В марте, а затем уже более настойчиво в июне Германия обратилась с просьбой о посредничестве к Британии и Америке. Ни одна из них не пожелала сделать хоть что-нибудь. По словам Государственного секретаря Хьюза, «Америка была единственной точкой стабильности в мире... поэтому мы никак не можем предпринимать какие-либо действия, не будучи уверенными в их успехе». <...>

Тем временем Британия удалилась от европейских дел и умышленно уклонялась от участия в них. По мнению нового правительства, полностью состоящего из тори, чем дальше страна будет держаться от своих беспокойных соседей на континенте, тем лучше для нее. <...> Вашингтон и Лондон, хотя и не собирались поддерживать Пуанкаре, воздержались от поддержки Германии. 20 июля в ответ на очередное обращение Германии за помощью Лондон предложил рассмотреть вопрос о репарациях комплексно. Однако Пуанкаре настаивал на том, чтобы Германия сначала прекратила пассивное сопротивление, но Берлин отказывался это делать. Лондон и Вашингтон предпочитали не вмешиваться [Link, 1970. S. 179–187].

<...> [К]ризис в Германии стремительно развивался. Жители Рура были близки к голодной смерти, когда 13 августа 1923 года правительство правых центристов во главе с канцлером Вильгельмом Куно подало

в отставку. Пост канцлера занял Густав Штресеман, выдвинутый от межпартийной коалиции национальной солидарности. Приход Штресемана к власти в 1923 году стал решающим моментом в его удивительной карьере, которую он начинал как идеолог империализма военного периода, а теперь продолжил в качестве архитектора новой внешней политики Германии. Ключом к миропониманию Штресемана была его вера в основополагающую роль экономической мощи Америки [Berg, 1990]. Во время войны это привело его к мысли о том, что Германия должна создать в Центральной Европе сферу своего экономического влияния, сравнимую по масштабам с американской. После поражения Штресеман, как и его японские партнеры, сделал вывод о том, что приход к власти Америки открывает совершенно новую эпоху, в которой единственно возможной политикой для Германии будет адаптация к американской гегемонии и превращение страны в ценный рынок и инструмент продвижения американского капитала. В августе 1923 года Штресеман поначалу надеялся на то, что, вернув американцев и британцев в европейскую политику, он сможет избежать капитуляции перед французами. Однако Пуанкаре ясно определил свои условия, а Вашингтон и Лондон не спешили прийти Германии на помощь.

Теперь Берлин стоял перед пугающей дилеммой. Должна ли республика защищать свое национальное достоинство, поддерживая сопротивление в Руре, даже если это может грозить полным исчезновением германского государства? Или следует попытаться договориться с Францией? 26 сентября, после пяти недель мучительных дискуссий правительство в Берлине сдалось. Кабинет министров принял решение прекратить официальную поддержку Рура и попытаться сделать всё от него зависящее, чтобы удовлетворить требования Франции. Капитуляция осенью 1923 года стала для Германии третьей по счету, если принимать во внимание соглашение о перемирии, подписанное в ноябре 1918 года, и Версальский договор, заключенный в июне 1919 года, и она вылилась в кризис, поставивший под угрозу само существование страны. В 1918 и 1919 годах Эрцбергер и социал-демократы, по меньшей мере, могли сослаться на то, что согласились заключить мир, чтобы расстаться с прошлым, доставшимся в наследство от Вильгельма. В то время их объединял патриотизм военных лет. Когда французская армия входила в Рур, жители страны объединились вокруг республики, как они объединились вокруг империи Вильгельма в августе 1914 года. И вновь их надежды не оправдались. Теперь, осенью 1923 года, сдержать гнев жителей центров сталелитейной промышленности в Руре могли лишь французские танки и немецкие полицейские [Fischer, 2003. Р. 230].

Французы победили. Как и обещал Пуанкаре, оккупация Рура принесла дивиденды. К концу сентября расходы на проведение операции составили 700 млн франков, а доходы, полученные в Руре, достигали 1 млрд франков [Martin, 1999. Р. 188]. Однако Франция не просто доказала свою военную мощь и добилась экономического превосходства. Речь шла о мировом порядке после войны в целом. Перед Францией вновь распахнулись двери,

которые были закрыты перед Клемансо¹³ в Версале. В конце концов, может, Франции и не придется соглашаться на сохранение единой суверенной Германии [Schwarz, 1995. Vol. 1. P. 171–194]. Отступив от решения этой задачи в 1919 году, теперь, в начале октября 1923 года, Франция получила еще одну возможность коренным образом перекроить карту Европы и, повторив Вестфальский договор, вернуть ситуацию 1648 года и выстроить европейскую безопасность на основе расчленения Германии.

<...> 21 октября при более или менее явной поддержке Франции на западе Германии по линии, на которой расположены Аахен, Трир, Кобленц, Бонн и Палатинат, произошли сепаратистские путчи [Feldman, 1993. P. 768]. Правда, ни один из них не получил массовой поддержки. Не будь французских войск, эти германские сепаратисты вполне могли бы попасть под самосуд. Но осенью 1923 года самую большую угрозу целостности рейха представляли не французские интриги, а события в самой стране. Давно закипавшая гражданская война приблизилась к точке кипения [Scheck, 1995. P. 29–49]. Еще в 1920 году в ответ на призыв Коминтерна готовиться к гражданской войне Коммунистическая партия Германии приступила к созданию военизированных организаций. В октябре 1923 года председатель партии Генрих Брандлер был вызван для получения инструкций в Москву, где сообщил, что имеет в своем распоряжении более 113 тыс. человек [Wirsching, 1999. S. 238].

Восстание коммунистов было назначено на 9 ноября 1923 года и приурочено к годовщине захвата власти большевиками в 1917 году, а не к годовщине революции в Германии 1918 года [Stone, 2003. P. 799–817]. Ошибка на линии связи с революционным штабом привела к тому, что начавшееся 23 октября плохо подготовленное местной партийной организацией восстание в портовом Гамбурге было быстро подавлено. Но Москву это не напугало. Мобильные отряды Красной армии под командованием говоривших по-немецки офицеров двинулись к польской границе. В Германии основная часть активистов компартии была сосредоточена в промышленных областях центральной части страны [Feldman, 1984. S. 569–609]. В начале октября Берлин был встревожен тем, что правительство Саксонии перешло в руки коалиции Объединенного фронта, возглавляемой левыми социалистами. В составе коалиции были и министры-коммунисты, получавшие инструкции непосредственно из Москвы [Pryce, 1977. P. 112–147]. 17 октября в соответствии с законом о чрезвычайном положении, введенном 26 сентября, когда Берлин сдался, в Саксонию был направлен шестидесятитысячный отряд рейхсвера. Рейх приостановил полномочия правительства социалистов, и сопротивление хваленых отрядов коммунистической милиции было быстро подавлено.

События в Саксонии, случившиеся всего через несколько недель после того как Германия сдалась на милость Франции, вызвали еще один политический кризис в стране. Коалиция Штресемана, из которой в сентябре вышли правые, теперь теряла и членов Социалистической партии, покидав-

¹³ Клемансо Жорж Бенжамен (1841–1929) — премьер-министр Франции в 1906–1909 и 1917–1920 годах.

ших ее в знак протеста против действий рейха в отношении левых. Теперь правоцентристам приходилось управлять в одиночку, однако другого выхода у Штреземана не было. Ему пришлось выступить против левых в Саксонии, чтобы сохранить контроль над ситуацией в Баварии, где возникла еще более серьезная опасность со стороны правых. После войны с поляками за Силезию в 1921 году Бавария стала местом сбора поклонников Муссолини в Германии [Feldman, 1993. Р. 774]. Весной 1923 года молодежный демагог Адольф Гитлер стал известен благодаря своим призывам к борьбе против французов не на жизнь, а на смерть. Вспоминая о том, как русские подожгли Москву перед вступлением Наполеона в 1812 году, Гитлер предлагал устроить Пуанкаре в Руре Москву-на-Рейне [Schwabe, 1985. S. 29–38]. Поддерживаемый коричнево-рубашечными штурмовиками из Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), Гитлер явно выжидал момент, чтобы возглавить переворот. Реакция глубоко консервативного правительства Баварии на такой переворот была более чем очевидна. Раздавались призывы к антикоммунистическому походу из Баварии в Саксонию. В отчаянии канцлер Штреземан обратился к рейхсверу, но командующий рейхсвером генерал Ганс фон Сект отвечал, что он готов выступить против Красной гвардии в Саксонии, но не может приказать войскам стрелять по своим баварским товарищам. По Берлину ходили вполне обоснованные слухи о том, что фон Сект сам обдумывал бонапартистский вариант покончить с Веймарской республикой «залпом шрапнели».

При всем своем личном сочувствии планам правых националистов Штреземан был убежден в том, что никакое авторитарное правительство не сможет решить международные проблемы, от которых зависело будущее Германии. Заговорщики, разжигая беспорядки внутри страны, ставили под угрозу то, что он ценил превыше всего, — целостность самого рейха. 5 ноября 1923 года, призывая правое крыло партии, к которой он принадлежал, — Германской народной партии (ГНП), — оказать ему полную поддержку, Штреземан заявил: «Эта неделя покажет, решится ли *Vaterlaendische Verbaende* (националистическая военизированная ассоциация) выступить». Если они пойдут против властей рейха, то это приведет к «гражданской войне» и «переходу Рейна и Рура» в руки поддерживаемых французами сепаратистов. Сохранение рейха требует порядка в стране. Он был «сыт по горло» безответственными интригами и шантажом со стороны представителей деловых кругов и аграриев, которые и создали катастрофическую гиперинфляцию. Если штурмовики-националисты пойдут на Берлин, то он, Штреземан, не изменит своей позиции. Им придется «расстрелять» его в Канцелярии рейха, где он «имеет право находиться» как глава правительства [Feldman, 1993. Р. 776–777].

Берлин эта участь миновала благодаря нетерпению Гитлера и междоусобице в рядах баварских правых. 9 ноября 1923 года по улицам Мюнхена шагали не коммунисты, а Гитлер со своими людьми из СА¹⁴, среди которых был

¹⁴ СА (сокращение от нем. *Sturmabteilung*) — штурмовые отряды, штурмовики; также известны как «коричневорубашечники».

и генерал Эрих Людендорф. Их полиция и встретила «залпом шрапнели». Гитлер позорно бежал. Веймарская республика сумела отразить удары, сыпавшиеся на нее и слева и справа. Следующие пятнадцать месяцев Гитлер провел в заключении, где пришел к выводу, который становился очевидным и в Москве, в Коминтерне: в современной Германии не может быть и речи о насильственном захвате власти. Чтобы разрушить «систему», Гитлеру придется действовать изнутри.

Но уроки из этого кризиса извлекли не только экстремисты. В самом центре событий 1923 года оказался мэр Кёльна, столицы Рейнской области, член партии Центра Конрад Аденауэр. После 1949 года Аденауэр станет первым канцлером Федеративной Республики и сделает для успешного развития Западной Германии больше, чем кто-либо другой. Но уже тогда, тридцать лет назад, когда его город был оккупирован британской армией, он говорил о смелых планах западноевропейского примирения. Вместо того чтобы отделять от рейха Рейнскую область, к чему призывали предатели-коллаборационисты, Аденауэр предлагал изолировать свой обращенный на запад регион от авторитарной Пруссии. Прусское присутствие на западе Германии было тяжелым наследием Венского конгресса, который пытался создать буферную зону между Германией и Францией. Это нарушало равновесие во внутреннем устройстве Германии: из 65 млн жителей страны 42 млн относились к Пруссии. Согласно плану федерализации Аденауэра, автономная Рейнская область с ее пятнадцатимиллионным населением, состоявшим из энергичных, свободных от национальных предрассудков людей, создала бы в рейхе равновесие, которое позволило бы достичь согласия с западным соседом. Свободное от прусских тисков единое национальное германское государство вполне вписывалось в мирный европейский порядок [Schulz, 2003. S. 203–232; Erdmann, 1966].

В 1919 году Аденауэр надеялся, что такой план встретит понимание в Британии, которая определенно не была заинтересована в превращении Рейнской области во «французскую колонию» [Schulz, 2003. S. 346]. В 1923 году Аденауэр разочаровался в британцах, но надеялся, что его план заинтересует Францию. Вместо того чтобы субсидировать всеобщую забастовку, правительство Германии будет платить шахтерам Рура и поставлять уголь Франции в счет репараций [Maier, 1975]. В конце 1923 года рурский угольный и стальной магнат Гуго Стиннес лоббировал в Берлине предложение об объединении интересов всех основных сталепромышленников Рура и создании «новой государственной структуры», которая «играла бы роль посредника между Францией и Германией» [Feldman, 1993. P. 825]. В отличие от Густава Штреземана, всё еще посматривавшего на Вашингтон и Уолл-стрит, Аденауэр и Стиннес считали, что «ни от Америки, ни от Англии не следует ожидать сколь-либо существенной помощи». Стиннес обрисовал послу Германии в Вашингтоне общую картину «континентального блока», который будет создан на базе Рура и Рейнской области в противовес «гегемонии англосаксов» [Feldman, 1993. P. 661]. Стиннес был убежден в том, что весь послевоенный порядок является результатом англо-американского

диктата и таит в себе опасность: если «международный капитализм будет пытаться высосать из Германии все соки... то германская молодежь возьмется за оружие» [Berg, 1990. S. 160, 168–169, 171]. Подобные речи помогали выплеснуть эмоции, но были совершенно несвоевременны. На тот момент кульминации послевоенного кризиса всё вновь вращалось вокруг Соединенных Штатов.

II

Осенью 1923 года <...> продолжались разговоры о разделении Германии, новом Вестфальском мирном договоре и сближении позиций Франции и Германии в вопросе о Рейнской области. Нацисты и коммунисты боролись за власть, а Штресеман, Людендорф, Гитлер и Аденауэр выступали на сцене одновременно. Казалось, что вся драма западноевропейской истории следующих двух поколений будет сыграна в течение ближайших месяцев. Были готовы различные варианты этой драмы — от коммунистических и нацистских заговоров до полного расчленения Германии. Неужели уже в 1923 году откроется путь к ужасной катастрофе 1945 года? Пока французы и бельгийцы мстили за варварскую германскую оккупацию 1914 года, Гитлер вынашивал фантазии на тему Москвы-на-Рейне, предвещавшие адское пламя, которое поглотит Рур в период между 1943 и 1945 годами. Все эти недобрые предчувствия придавали кризису 1923 года еще большее значение. Созданный в 1919 году порядок оказался более жизнеспособным, чем можно было предположить.

<...> Несмотря на то что Германия была повержена, в Париже продолжали обдумывать стратегию ее расчленения. Пуанкаре так и не нанес *coup de grâce*. Было очевидно, что идея сепаратизма не находит должной поддержки в Германии. Пуанкаре с осторожностью относился к корыстным схемам Стиннеса и его французских партнеров, которые они готовили в сфере тяжелой промышленности. Он не хотел, чтобы Франция превратилась в игрушку в руках заинтересованных групп, как это произошло с Веймарской республикой. После попытки Гитлера совершить переворот становилось ясно, что Франция рискует оказаться один на один с бешеным диктатором-националистом [Krumeich, Schroeder, 2004. S. 80]. Наконец, самым важным было то, что любая открытая атака на суверенитет Германии положит конец всем надеждам Франции на создание нового альянса с Британией и Соединенными Штатами.

Отказавшись от крайне агрессивно настроенных сторонников отделения Рейнской области и от предложенной Аденауэром и Стиннесом двусторонней франко-германской сделки, Пуанкаре позволил экспертным комитетам, в работе которых принимали участие в том числе и видные американцы, пересмотреть план выплат репараций Германией. Горькую пилюлю подсластили обманчивые намеки Лондона на то, что Вашингтон может пойти на обсуждение вопроса военных долгов [Bariéty, 1977. P. 263–265]. На самом деле, об этом даже речи не было. Франция, со своей стороны, накладывала вето на любую дискуссию на тему общей суммы репараций,

не обращая внимания на угрозы США. Перед экспертными комитетами были поставлены косвенные вопросы: каким образом совместить выплату репараций со стабилизацией бюджета Германии и курса германской валюты? <...>

План, получивший название плана Дауэса¹⁵, был разработан в начале 1924 года. В его основе лежала идея, что если освободившаяся от внутренних долгов Германия введет налоги, аналогичные тем, которые действуют в соседних странах, то получит избыток наличности, за счет которого она сможет финансировать свои обязательства по выплате репараций [Leffler, 1979. Р. 94–95]. То, что на долю каждого должника, который в результате инфляции освободился от задолженности, выпадут значительные финансовые потери, в расчет не принималось. В сугубо финансовых дискуссиях не упоминался и очевидный ущерб, нанесенный производственным мощностям Германии в результате оккупации Рура и вследствие гиперинфляции. В плане Дауэса всё же признавалось наличие ключевой проблемы, состоявшей в дестабилизирующем влиянии на валютный рынок обмена огромных сумм в рейхсмарках на доллары. В будущем действовавшему в стране агентству по репарациям надлежало следить за тем, чтобы трансферы из Берлина не оказывали слишком большого влияния на дестабилизацию рынка. Средства, которые не удастся безопасно обменять на доллары, подлежат хранению на счетах в Германии, открытых на имена кредиторов. Комитеты под руководством Дауэса не имели полномочий изменять окончательные суммы репараций, установленные Лондонским ультиматумом в мае 1921 года. Но комитеты определили новые платежные схемы, согласно которым сроки выплат продлевались до 1980 года, что значительно облегчало положение Германии. После нескольких недель торговли Юнгу¹⁶ удалось убедить французов согласиться с увеличением ежегодных выплат до 2,5 млрд рейхсмарок после пятилетнего льготного периода [Leffler, 1979. Р. 99].

С учетом того что Германия находилась на грани полного коллапса, столь щадящий вариант вызывает немалое удивление. Еще больше удивляет готовность Франции согласиться с планом Дауэса. Правда, дискуссией руководили англо-американские эксперты, так что результат был в какой-то степени предопределен. Он был тем более предопределен, если учесть резкие изменения в британской политической жизни. <...>

<...> [В] декабре 1923 года власть перешла к партии лейбористов, состоявшей из принадлежащих среднему классу социалистов, радикальных либералов и группы объединенных общими интересами профсоюзов, возглавляемой Рамсеем Макдональдом <...>. Приход лейбористов на Даунинг-стрит не был революцией. Но это, безусловно, было чувствительным политическим потрясением.

¹⁵ Дауэс Чарлз Гейтс (1865–1951) — 30-й вице-президент США с 1925 по 1929 год, предприниматель и военный.

¹⁶ Оуэн Д. Янг (Юнг, 1874–1962) — американский промышленник, предприниматель, юрист и дипломат.

Как и предупреждал Ллойд Джордж, новые настроения в Лондоне серьезным образом сказались на Франции. На протяжении 1923 года Рамсей Макдональд называл желание Франции получить репарации несбыточной мечтой. То, что Германия сдала Рур, он считал результатом удушения «разбитой и разоруженной» страны «хорошо вооруженной и сильной страной» и называл это не «успехом», а «триумфом зла» [The Times, 1923b. P. 12; The Times, 1923c]. Единственный способ добиться мира, писал он в своем дневнике, — это убедить Францию вести себя «разумно» и отказаться от «политики эгоистической самовлюбленности» [Marquand, 1997. P. 333; The Times, 1923a]. Филипп Сноуден, первый лейборист на посту лорда-канцлера казначейства, расценивал оккупацию Рура как попытку Франции «поработить шестьдесят или семьдесят миллионов наиболее образованных, активных и научно мыслящих людей». Эдмунд Дене Морель¹⁷, активист СДК, который рассказал о «черном ужасе на Рейне» — жестком насилии над местным населением, предположительно со стороны сенегальских солдат, — теперь поносил Францию за ее попытки «вырвать легкие и сердце из живого тела Германии» [Cairns, 1974. P. 721].

Во Франции зимой 1923–1924 года Пуанкаре всё еще держался на гребне волны патриотического энтузиазма, но ситуация на валютном рынке указывала на то, что Франции вряд ли удастся продолжить оккупацию Рура, против которой выступали Британия и США [Martin, 1999. P. 189–192]. К декабрю 1923 года довоенный обменный курс, составлявший 5,18 франка за доллар, был не более чем приятным воспоминанием [Schuker, 1976. P. 28, 53–57]. За время оккупации Рура франк обесценился больше чем на 30%, и его курс упал до 20 франков за доллар. В начале января 1924 года Пуанкаре с большим перевесом получил вотум доверия в Палате депутатов Франции. Однако когда дело дошло до налогового-бюджетной консолидации, депутаты были не столь единодушны. Большинство из них не поддержало мер строгой экономии.

Наконец, 14 февраля <...> французскую фондовую биржу охватил *grande peur* [Dulles, 1929. P. 170–174]. <...> [К]урс франка по отношению к фунту стерлингов упал с 90 в начале года до 123. Пуанкаре признавался послу США Майрону Херрику, что опасается того, что франк достигнет отметки «канул в небытие» [Leffler, 1979. P. 97]. В Вашингтоне это не вызвало сочувствия. Как отметил один чиновник в Госдепартаменте, «франк упал очень вовремя, что значительно прибавило здравого смысла в этой стране» [Feldman, 1993. P. 829].

29 февраля Пуанкаре согласился прекратить оккупацию Рура в обмен на гарантии достойного поведения Германии. В качестве встречного шага он ожидал поддержки американцев, и он ее получил. Дж. П. Морган получил разрешение Госдепартамента на выдачу кредита на сумму 100 млн долл. Этот

¹⁷ Морель Эдмунд Дене (имя при рождении Жорж Эдмон Пьер Ахилл Морель де Виль; 1873–1924) — британский журналист, писатель-публицист, пацифист, политик и член парламента в первой половине 1920-х годов, один из основателей и секретарь «Союза демократического контроля» (СДК). — Прим. ред.

шаг американцев вынудил Банк Англии также предоставить Франции краткосрочный заем. Подобные шаги, предпринятые с двух сторон, позволили в какой-то степени оздоровить Банк Франции.

<...> При американском посредничестве компромисс был достигнут, и Франция согласилась вывести свои войска из Рура в течение года.

Конечно, спасение демократии в Германии во время кризиса 1923 года было весьма значительным достижением трансатлантической дипломатии, потребовавшим жертв со всех сторон. Густава Штресмана часто называли *Vernunftrepublikaner*, и, наверное, было правдой, что в глубине души он оставался монархистом. Но если вспомнить, что *Vernunft* означает просто циничный расчет, то такое прозвище будет несправедливым по отношению к нему. *Vernunft*, выступавший на первый план в борьбе за стабильность в Веймарской республике, на самом деле выражал «государственные интересы». 29 марта 1924 года на всеобщей конференции Германской национальной народной партии (ГННП) в Ганновере Штресман отметил, что стать самым популярным человеком в стране проще всего, поддержав призыв Гитлера к тому, чтобы Германия «прошла маршем через Рейн под кайзеровскими черно-бело-красными стягами». Но такой популизм говорит лишь о полной безответственности [Wright, 2002. P. 275]. «Призыв к диктатуре» — это худший вариант «политического дилетантизма» [Scheck, 1995]. Члены правого крыла его партии, наследники национал-либералов времен Бисмарка, возможно, симпатизировали идее маргинализации СДП и объединению усилий с радикальными националистами из ГННП, тем более что в ходе всеобщих выборов в мае 1924 года последняя набрала лишь немногим меньше голосов, чем социал-демократы, и стала второй партией в рейхстаге. Однако в разгар деликатных переговоров по плану Дауэса Штресман отказался от подобных шагов. Пангерманская риторика ГННП, сдобренная либеральными дозами антисемитизма, не годилась «на экспорт» [Feldman, 1993. P. 801]. Только ответственная республиканская политика могла обеспечить минимальный порядок в стране и рабочие отношения с Британией и Соединенными Штатами.

Но восстановление стабильности в Германии строилось не только на умелой политике Штресмана. Оно требовало болезненных мер по сокращению расходов и повышению налогов. И здесь вопрос о диктаторе обретал особое значение. Чтобы выйти из тупика, созданного группами интересов, подстегивавшими инфляцию, правительство при поддержке СДП предоставило Фридриху Эберту право использовать президентские полномочия [Raithel, 2005. S. 196–341]. Процесс дефляции, запущенный после ноября 1923 года, не щадил никого: резко сократилась численность государственных служащих, уменьшилась реальная заработная плата. Но дефляция имела двойственные результаты. В реальном выражении с декабря 1923 года к новому году сбор налогов в рейхе вырос в пять раз. Деловые круги Германии никогда не могли смириться со значительными расходами республики на социальные нужды. Но это был хорошо продуманный ход. Штресман, министр финансов Ганс Лютер, известный

своей строгостью, и энергичный банкир Ялмар Шахт, вставший во главе Рейхсбанка после инфляционного краха, в первую очередь стремились восстановить прочность позиций германского государства как внутри страны, так и за ее пределами. Шахт считал Рейхсбанк «единственным местом экономической власти, занимая которое государство в состоянии успешно отражать атаки сил, представляющих особые интересы» [Feldman, 1993. Р. 822—823]. После многих лет засилья корпораций и катастрофической инфляции, говорил он, «деловым кругам Германии придется привыкнуть подчиняться, а не распоряжаться» [Feldman, 1993. Р. 815, 802].

Но при всей направленности этой программы на консолидацию страны результаты выборов в рейхстаг в мае 1924 года были таковы, что даже голосов СДП было недостаточно для принятия конституционных поправок, необходимых для ратификации плана Дауэса, предусматривавшего в том числе и передачу Рейхсбанка в международный залог. Более четверти избирателей страны отдали свои голоса за правых: 19% — за ГННП, почти 7% — за гитлеровскую НСДАП. Коммунисты получили почти 13%. В большинство, составлявшее две трети мест в рейхстаге, должны были войти, по крайней мере, некоторые депутаты от ГННП, которая безоговорочно отвергала Версальский договор и была первоисточником легенды об «ударе ножом в спину». Иностранные державы были настолько встревожены, что американский посол Алансон Хоутон пошел на прямое вмешательство в политическую жизнь в Германии. Он вызвал к себе лидеров ГННП и без обиняков объяснил, что если они отвергнут план Дауэса, то в следующий раз Америка окажет помощь Германии не раньше, чем через сто лет. 29 августа 1924 года под сильнейшим нажимом со стороны деловых кругов, поддерживавших партию, депутаты от ГННП в нужном количестве перешли на сторону правительства и проголосовали за ратификацию плана Дауэса. В ответ правительство рейха в знак благодарности националистам формально дезавуировало свое согласие со статьей Версальского договора, в которой говорилось об ответственности за развязывание войны.

Как бы там ни было, но 10 октября 1924 года Джек Морган нехотя подписал соглашение о предоставлении займа, согласно которому его банк при участии ведущих финансистов Лондона, Парижа и даже Брюсселя предоставлял Германии заем на сумму 800 млн золотых марок [Leffler, 1979. Р. 111]. Заем был предназначен для того, чтобы предприниматели, руководствуясь здравым смыслом, могли использовать эти средства для врачевания ран, полученных в ходе войны. Предложение было, конечно, привлекательным. Эмитенты, действовавшие в рамках плана Дауэса, платили за свои облигации из расчета 85 центов за доллар. Погашение облигаций производилось с 5-процентной премией. Получив заем в размере 800 млн марок, Германия должна была обеспечить обслуживание облигаций общей нарицательной стоимостью в 1,027 млрд марок [McNeil, 1986. Р. 33].

<...>

Т а б л и ц а 1

Гиперинфляция в Германии, 1919–1923 годы

	1919				1920				1921				1922				1923			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Число нуждающихся в работе на 100 вакансий (в среднем за квартал)	187	159	149	171	173	182	218	214	245	209	158	149	159	115	118	179	309	297	369	1070
Месячный рост оптовых цен (в среднем за квартал)	4	4	17	18	31	–7	3	–1	–2	1	16	20	16	9	61	76	62	67	1293	13267
Выпуск стали в месяц (тыс. тонн, в среднем за квартал)	518	501	704	654	608	694	753	790	813	758	839	922	961	972	974	999	889	631	312	270
Номинальный размер внутреннего долга (млрд марок 1913 года)	151	162	169	174	178	195	220	230	233	257	280	310	330	349	484	1403	1986	8048	54 130	5 119 160 061
Действительная стоимость внутреннего долга (млрд марок 1913 года)	54	50	32	17	11	14	15	16	18	18	12	9	6	4	1	1	0	1	0	0
Ежеквартальные расходы на платежи по Версальскому договору (млн марок 1913 года)	0	0	0	0	0	–393	–441	–402	–543	–849	–960	–1017	–843	–696	–354	–333	–393	–252	–156	н. д.
Бюджетный баланс без учета платежей по Версальскому договору (млн марок 1913 года)	0	–3393	–1998	–780	–348	–795	–1206	–339	348	–966	–270	102	345	399	–231	–492	–663	–837	–5490	н. д.
Бюджетный баланс (млн марок 1913 года)	0	–3393	–1998	–780	–348	–1188	–1647	–741	–195	–1815	–1230	–915	–498	–297	–585	–825	–1056	–1089	–5646	н. д.

ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ

I

План Юнга стал подготовкой к действию. Рецессия была уже не за горами, когда 11 февраля 1929 года в Париже начался новый раунд переговоров о репарациях. Переговоры проходили под председательством Оуэна Д. Юнга, который в 1924 году был заместителем Чарльза Дауэса. Инициаторами переговоров выступили США, а не Германия, и это стало триумфом дипломатии Штресемана. Американцы имели основания опасаться того, что увеличение репарационных обязательств Берлина, предусмотренных планом Дауэса, приведет к увеличению доли частных долгов Германии на Уолл-стрит. Переговоры, закончившиеся год спустя на Второй Гаагской конференции в январе 1930 года, были успешными лишь отчасти [Steiner, 2005. Р. 470—491; Heyde, 1998. S. 35—77; Cohrs, 2006. Р. 477—571]. Формально план Юнга сулил снятие напряженности в вопросе репараций за счет деполитизации системы выплат. Но на деле отказ Вашингтона разрешить совместное обсуждение военных долгов и репараций привел к неутешительным результатам.

При всей непоколебимости позиции Вашингтона, которая стала еще более заметна с приходом администрации Гувера, ставшего президентом в марте 1929 года, Франция и Британия могли согласиться на уменьшение суммы репарационных выплат Германии, но не более чем на 20% [Schuker, 2007. Р. 385]. Они располагали лишь незначительным пространством для маневра, так как по мере уменьшения суммы репараций претензии к ним со стороны Соединенных Штатов становились еще больше. В 1919 году соотношение суммы претензий по репарациям к сумме военной задолженности перед США было вполне приемлемым и составляло 3 : 1. Но жесткая дипломатия США в вопросе о задолженности и ревизионистская позиция Германии в отношении Версальского договора привели к тому, что это соотношение изменилось в худшую сторону. Британия и Франция всё чаще выступали в роли передаточного канала при обмене платежами между Соединенными Штатами и Германией. Согласно плану Юнга, Франция могла рассчитывать на получение лишь 40% всех причитавшихся ей репарационных платежей, а Британия получала лишь немногим больше 22%. По этому поводу Троцкий с характерной для него резкостью писал: «От финансового ядра, привязанного к ногам Германии, идут солидные цепи, надетые на руки Франции, на ноги Италии и на шею Британии. Макдональд, выполняющий сейчас обязанности сторожа при британском льве, с гордостью показывает на ошейник как на лучший инструмент мира» [Trotsky, 1929]. И то, что сумма в 2 млрд долл., выплаченная Соединенным Штатам в качестве возврата военных долгов к 1931 году, почти полностью соответствовала общей сумме кредитов, выданных Германии США в начале 1920-х годов, было не просто совпадением [Adler, 1965]. Средства двигались по кругу. Но именно это циклическое движение по условиям плана Юнга было строго ограничено. Этот план был призван нормализовать ситуацию

с задолженностью Германии и в то же время сделать ее более прозрачной, еще более ясно указывая на ответственность Берлина [Ritschl, 2002].

Националисты ответили митингами протеста с требованием проведения референдума. Это позволило Адольфу Гитлеру придать новый импульс своему движению, которое после катастрофического провала на выборах в рейхстаг 1928 года, казалось, постепенно уходило в небытие [Fulda, 2009]. Но бунтовщики потерпели поражение и на этот раз. «Нет» сказали лишь 14% избирателей. Депутаты-националисты вновь стыдливо проголосовали таким образом, чтобы план Юнга получил сверхквалифицированное большинство, необходимое для его ратификации. Еще одной победой практической дипломатии стало то, что союзнические войска покинули Рейнскую область на пять лет раньше предусмотренного срока.

Этой видимой нормализации обстановки соответствовали и те положения плана Юнга, которые требовали всё более строгой финансовой ортодоксальности по мере восстановления суверенитета Германии. Система защиты трансфертов, за которой с 1924 года следил находившийся в Берлине американский агент по репарациям, была ликвидирована. Отныне Германия сама несла ответственность за свой платежный баланс. Теперь выплаты направлялись не в Комиссию по репарациям, а в новый международный клиринговый дом, получивший название Банка международных расчетов. Это предъявляло новые требования к финансовой дисциплине, что вполне устраивало германских консерваторов. В марте 1930 года социал-демократы были вынуждены покинуть межпартийную коалицию, которая сформировала правительство, действовавшее с 1928 года. Пришедшее ему на смену правительство Партии Центра под руководством Генриха Брюнинга приступило к долгосрочной трансформации Веймарского государства [Mommesen, 1996]. Конечной целью был пересмотр Версальского договора, но для достижения этой ревизионистской цели использовались конформистские подходы. Германия освободится от пут политической задолженности, возродив свою конкурентоспособность. Из дефляционной чистки она выйдет такой же, какой была до 1914 года, — ведущим мировым экспортером, окончательно освободившимся от финансового наследия войны.

Зимой 1929–1930 года Германия вплотную занималась репарациями. Тем временем Британия и Америка готовились вернуться к вопросу о глобальном разоружении. <...>

После обескураживающего начала переговоров вокруг плана Юнга, движение за европейскую интеграцию, пережившее первый прилив энтузиазма после кризиса в Руре, возвратилось к самой главной теме дискуссии¹⁸. В июне 1929 года в ходе встречи в Мадриде Бриан и Штресеман, помня о жесткой позиции США в вопросе военных долгов, обсудили вопрос создания европейского блока, достаточно крупного для того, чтобы составить конкуренцию американской экономике и уйти от зависимости от Уолл-стрит [Воусе, 2009]. 5 сентября 1929 года, выступая с трибуны Лиги Наций, Бриан взял инициативу на себя: европейские страны, входившие в Лигу

¹⁸ [Lipgens, 1966]. Более подробно об этих надеждах см. в книге бывшего премьер-министра: [Herriot, 1930].

Наций, должны создать более тесный союз. Беззубого мирного договора, названного его именем, было недостаточно. При наблюдавшейся тенденции спада в мировой экономике и перспективах усиления американского протекционизма Бриан предлагал в первую очередь создать систему преференциального снижения тарифов. Однако этот экономический подход вызвал столь враждебное отношение, что зимой Бриан решил пойти по другому пути.

В начале мая 1930 года <...> французское правительство разослало всем 26 европейским странам — членам Лиги Наций официальное письмо, в котором Париж призывал всех европейцев к осознанию важности «географического единства» и налаживанию продуманных, «основанных на солидарности связей» [Société des Nations, 1930. P. 1—16]. В частности, Бриан предлагал учредить европейскую конференцию, которая бы проводила регулярные заседания с ротацией председателей и имела постоянно действующий политический комитет. Главной задачей конференции предполагалось создание «федерации, построенной на идее союза, а не единства». «Именно сейчас наступило время, позволяющее и требующее начать подобную конструктивную работу, — писал в заключение Бриан. — Настал решающий час, когда Европа, проявив дальновидность, может свободно определить собственное будущее. Объединимся же во имя жизни и процветания!»

II

Говорят, что, когда 3 октября, почти месяц спустя после его выступления в Европе, Бриану сообщили о смерти Густава Штресемана, французский премьер воскликнул, что пришла пора заказывать второй гроб для него самого. Не вызывало сомнений, что уход с политической сцены Штресемана и последовавшее за ним вступление на пост рейхсканцлера в Берлине Генриха Брюнинга в качестве главы кабинета министров правого меньшинства указывали на опасные изменения в политической жизни Германии. Брюнинга и Эрцбергера нельзя было сравнивать. Это периода, когда тон в рейхстаге задавало большинство, становилось почти неслышным. Разочарование результатами плана Юнга усилило конфронтационные настроения внутри Германии. Это не имело бы особого значения, если бы Британия решила поддержать предложение Бриана. <...> Сотрудничество Британии и Франции могло стать определяющим для Европы. Британия была не только морской сверхдержавой, но и в отличие от Франции крупным импортером. Америка последовательно проводила протекционистский курс, поэтому доступ на рынки Британии и Британской империи становился серьезным козырем на переговорах [Boyse, 2009. P. 258—272].

Однако лейбористское правительство упорно противилось сотрудничеству с Францией, и это развязывало руки Германии. Правительства двадцати стран из двадцати шести, которым было адресовано обращение Бриана, с энтузиазмом откликнулись на него, в том числе все малые европейские страны, за исключением Венгрии и Ирландии, но Лондон и Берлин оста-

вили это обращение без ответа. 8 июля 1930 года на заседании кабинета министров Брюнинга прозвучало самодовольное заявление о том, что лучшим ответом на историческую французскую инициативу будет обеспечить ее «погребение по первому разряду» [Lipgens, 1966. S. 341].

Но Лондон не понимал, что, загоня Францию в тупик, он открывает путь к катастрофе. Вновь и вновь начиная с 1918 года политический класс Германии спланировался и формировал большинство, готовое пойти на болезненные, но необходимые меры для выполнения взятых на себя обязательств. Примеры Рапалло и Рура убедительно показали, к каким катастрофическим последствиям приводит конфронтация. Но в 1930 году желание выполнять свои обязательства в очередной раз начало истощаться. Преемник Штресмана на посту министра иностранных дел, националист и сторонник Бисмарка Юлиус Курциус уже заявил о своем намерении «изменить баланс» внешней политики Германии в пользу Востока. В 1931 году крупный экспортный кредит, выданный под гарантии рейха, позволил увеличить экспорт Германии в Советский Союз в четыре раза. Германия стала важнейшим торговым партнером сталинского режима [Pogge Von Strandmann, 1976. S. 265–341; Spaulding, 1997. P. 267–269]. Летом 1930 года Берлин укрепил связи с фашистской Италией, главным соперником Франции на Средиземном море. В начале июля Рейн покинули последние французские военные части, и тогда Курциус нанес свой главный удар. Он начал особо секретные переговоры с Веной относительно возможного австро-германского Zollverein (таможенного союза). Эта германская инициатива сохранялась в секрете до весны 1931 года и стала причиной первого схода лавины Великой депрессии.

То, что череда этих катастрофических событий будет вызвана чем-то вроде правительства Брюнинга, было вполне предсказуемой трагедией. Брюнинг был националистом, но в этом не было ничего необычного [Patch, 1998]. Он определенно не сочувствовал фашистам. Его отношение к рейху было консервативным. Он был либералом в экономике. Своей задачей он видел своего рода возрождение золотого века Вильгельма. В случае богатой и сильной страны такое сочетание могло и не представлять опасности. Но в уязвимом положении, в котором находилась Германия, активный национальный либерализм превращался в опасный коктейль. Веймарской республике предстояло принять суровые экономические меры. В период с 1929 по 1931 год Германия прошла путь от стоящего на грани дефицита торгового баланса до значительного торгового профицита, в основном за счет снижения спроса на импортные товары внутри страны. Полномочия издавать президентские декреты, предоставленные фельдмаршалу Гинденбургу летом 1930 года, имели целью не установление диктатуры, а проведение дефляционной политики, предусмотренной международными обязательствами. Рост численности безработных, достигшей зимой 1930–1931 года 4 млн, был вполне предсказуем. Для компенсации падения внутреннего спроса Германии требовалось увеличить экспорт. Ничего нелогичного в стремлении наладить более тесные экономические отношения с Австрией не было. Но европейский план Бриана предлагал гораздо более широкий рынок.

Германии требовалась помощь всего мирового сообщества, для того чтобы смягчить последствия дефляции.

В сложившихся обстоятельствах ведение секретных переговоров с Веной, нарушавших если не букву, то дух целых трех подписанных после окончания войны мирных договоров, было для Брюнинга, по меньшей мере, очень рискованной стратегией. Делать это лишь в угоду крайне правому крылу националистов, которое после выборов в рейхстаг в сентябре 1930 года всё больше попадало под влияние Гитлера, было бы крайне безответственно. В основе стратегии Штреземана лежал тонкий расчет на то, что лучший способ расширить пространство для маневра состоит именно в том, чтобы избегать прямой конфронтации. Агрессивный подход Брюнера привел к обратному результату. Соблазнившись националистическими фантазиями, он не расширял пространство для маневра, а, скорее, сужал его, что лишь способствовало нарастанию проблем внутри страны и усилению нажима извне.

Появившееся в мировой прессе 20 марта 1931 года сообщение о планах создания австро-германского таможенного союза прозвучало подобно взрыву бомбы [Ferguson, Temin, 2003]. Ранее в том же году Франция, желая вознаградить приверженность Германии золотому стандарту, готовилась предоставить ей возможность получения займов на Парижском рынке [Heyde, 1998. Р. 130–144]. Теперь, похоже, Берлин шел на обострение. Положение осложнялось тем, что правительства Британии и США не изъявляли желания обуздать Брюнинга. До тех пор пока США сохраняли за собой статус страны наибольшего благоприятствования, они не возражали против объединения находившихся в неблагоприятном положении стран Центральной Европы [Schuker, 1995. Р. 394]. Это тревожило Париж. Но благодаря политике стабилизации, проводимой Пуанкаре, позиции Парижа стали намного прочнее. К 1931 году недооцененность французской валюты и положительный платежный баланс позволили Франции сосредоточить у себя 25% мировых запасов золота. В этом отношении Франция уступала только Соединенным Штатам и значительно превосходила Британию даже в период расцвета последней, когда та играла первую скрипку в оркестре золотого стандарта. С началом валютных спекуляций в Австрии, которые затем перекинулись на Германию, пошли слухи о том, что именно Париж намеренно устроил эту распродажу. Но в этом не было необходимости. Дефляция брала свое. Банкротство Viennese Kreditanstalt и проблемы, возникшие у банка Danat в Германии, были опасными, но вполне предсказуемыми побочными результатами жесткого дефляционного регулирования. Платежный баланс Германии был крайне нестабилен. Сам Брюнинг, казалось, был полон решимости запугать рынки. 6 июня, находясь по приглашению Макдональда в летней резиденции премьер-министра в Чекерсе, канцлер Германии воспользовался возможностью, чтобы заявить об отказе от выплаты предстоящего платежа по плану Юнга, назвав его «данью уважения».

Неудивительно, что в подобных обстоятельствах золото и иностранная валюта начали утекать из финансовой системы Германии. Германские по-

литики ожидали этого момента с 1924 года. Удастся ли им использовать задолженность перед Америкой, чтобы уйти от выполнения обязательств по репарациям? Было очевидно, что Уолл-стрит оказалась в непростой ситуации. Американские инвесторы вложили в Германию в общей сложности 2 млрд долл. Еще в январе 1931 года Стимсон¹⁹ предостерегал о серьезном риске, с которым столкнется Америка, в случае если в Германии произойдет коллапс [Воусе, 2009. Р. 305]. Однако ожидать, что президент пойдет на поводу у банкиров, означало повторить ошибку, которую Берлин допустил, когда принимал судьбоносное решение о начале подводой войны в январе 1917 года. Гувер не был другом магнатов с Уолл-стрит, тем более в число его друзей не входили избиратели, проживавшие на Среднем Западе. Лишь 19 июня, получив полные отчаяния телеграммы из Лондона, Гувер согласился действовать. На следующий день он выступил с заявлением о замораживании всех политических долгов, включая репарации и военные долги союзников. Это заявление прозвучало в воскресенье, а уже в понедельник, 22 июня, берлинская биржа была охвачена лихорадкой игры на повышение, которая продолжалась до тех пор, пока этот пузырь не лопнул внезапно, когда Франция отказалась принять это решение.

Наложенное Францией вето вызвало приступ ярости в Лондоне и Вашингтоне, а отзвуки протестов того времени звучат и в современной исторической литературе. <...>

Настойчивые увещевания объяснялись тем, что чистые издержки Америки, связанные с объявленным Гувером мораторием, превышали издержки Британии или Франции. Отмена военных долгов компенсировала этим странам значительную часть того, что они теряли в результате отказа от репараций, поэтому их доля в общем балансе не превышала одной трети. Произведенные современниками расчеты показывали, что Германия освобождалась от выплаты ежегодных репараций на сумму 77 млн фунтов стерлингов, в то время как потери Соединенных Штатов в результате отказа от взыскания военных долгов составляли 53,6 млн фунтов стерлингов. Французы считали эту политическую арифметику односторонней. То, что Америка закрывает значительную часть счета, отражает тот факт, что Франция в части репараций делала одну уступку за другой, которые Вашингтон так и не компенсировал. К тому же репарации означали нечто большее, чем просто деньги. А свой нынешний вид они приобрели лишь благодаря плану Дауэса и плану Юнга, каждый из которых вынуждал Францию отступать. Франция вновь и вновь призывала к созданию международной системы безопасности, способной заменить достигнутые в Версале договоренности. Но эти призывы наталкивались на вето Вашингтона. Британия и Америка противопоставили этим призывам совместную работу по созданию нового порядка, базирующегося лишь на разоружении и на правилах мирового финансового рынка. За время кризиса между 1924 и 1926 годами Франция на собственном опыте испытала силу этих ограничений, которая,

¹⁹ Стимсон Генри Льюис (1867–1950) — 46-й государственный секретарь США с 1929 по 1933 год, военный министр США и генерал-губернатор Филиппин. — *Прим. ред.*

правда, зависела от того, насколько была готова к сотрудничеству каждая из стран, входящих в эту систему. Вопрос о том, готова ли Германия к такому сотрудничеству, оставался открытым. Франция, со своей стороны, приняла эти правила. Она заплатила сполна, обеспечив стабилизацию франка в 1926 году и приняв план Юнга и сделку Меллона—Беранже по военным долгам в 1929-м. Теперь, когда разразился кризис, который сами же немцы на себя и навлекли, Америка в одностороннем порядке объявляет ситуацию экстренной и меняет правила своей собственной игры. В Париже были настолько шокированы, что не могли поверить в происходящее. Гувер действовал без предварительных консультаций. Он, как громко заявила одна из газет, обращался с Францией, как с Никарагуа [Heyde, 1998. S. 208—216]. Но теперь, в отличие от 1923—1924 годов, Франция могла позволить себе торговаться, переводя риски на Германию и ее кредиторов. Лишь 6 июля Франция согласилась с тем, что рейх будет отдан под защиту моратория Гувера (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Мораторий Гувера и «политические долги», июнь 1931 года (тыс. фунтов стерлингов)

	Приостановленные поступления	Приостановленные платежи	Чистые потери/доходы
Соединенные Штаты	53 600	—	(53 600)
Великобритания	42 500	32 800	(9 700)
Франция	39 700	23 600	(16 100)
Италия	9 200	7 400	(1 800)
Бельгия	5 100	2 700	(2 400)
Румыния	700	750	50
Югославия	3 900	600	(3 300)
Португалия	600	350	(250)
Япония	600	—	(600)
Греция	1 000	650	(350)
Канада	900	—	(900)
Австралия	800	3 900	3 100
Новая Зеландия	330	1 750	1 420
Южная Африка	110	—	(110)
Египет	90	—	(90)
Германия	—	77 000	77 000
Венгрия	—	350	350
Чехословакия	10	1 190	1 180
Болгария	150	400	250
Австрия	—	300	300

Тем временем в финансовой системе Германии наступил коллапс. Банки закрылись. Был объявлен мораторий на краткосрочные торговые займы, полученные в Британии, Голландии и Швейцарии. Рейхсбанк продолжал поддерживать курс национальной валюты в золотом выражении, но всё указывало на то, что Германия отказывается от золотого стандарта. Рейх национализировал всё золото и иностранную валюту, находившиеся в частном владении, и ввел контроль обменных операций. Брюнинг мог успо-

каивать себя тем, что добился приостановки репарационных выплат, но во всём остальном эта первая попытка защитить национальные интересы и уйти от ограничений, накладываемых мировым порядком, окончилась катастрофой. Чтобы обеспечить себе финансовую защиту со стороны Гувера, Брюнингу даже пришлось открыто заявить о том, что Германия отказывается от новых военных расходов на весь срок действия моратория [The New York Times, 1931]. Политика, проводимая Брюнингом, показала, что для страны, находящейся в столь уязвимом положении, как Германия, защита национальных интересов несовместима с ее участием в мировой экономике. Из этого следуют два вывода. Консерваторы были вынуждены подчиниться. В декабре 1931 года Брюнинг воспользовался предоставленными ему полномочиями и издал декрет о принудительном сокращении заработных плат и снижении цен. Но такая стратегия была не просто мучительна. Она поднимала вопрос о том, сколь долго будет еще сохраняться мировой экономический или политический порядок, которому необходимо подчиняться. Более радикально настроенные националисты пришли к выводу о том, что если национализм и экономический либерализм несовместимы, то это требует действительно полной переоценки национальных интересов — не только экономических, но также и стратегических и политических [Tooze, 2006].

III

<...>

В выходные дни 19 и 20 сентября 1931 года <...> мир следил <...> за новостями из Лондона. После катастрофы в Германии тучи начали сгущаться над Банком Англии [Воусе, 2009. Р. 314—322]. Начиная с 1929 года при всех бедах, выпадавших на долю британской промышленности, лейбористское правительство Рамсея Макдональда последовательно заявляло о необходимости сохранения золотого стандарта. По мере ослабления фунта стерлингов требования Банка Англии и Сити становились всё более беспощадными. В августе Банк Англии и Сити рекомендовали сократить бюджет, составлявший 885 млн фунтов стерлингов, на 97 млн фунтов стерлингов, из которых 81 млн фунтов стерлингов приходился на долю ассигнований, предназначенных для борьбы с безработицей и для выплаты социальных пособий. Размер пособия, за счет которого существовали миллионы безработных и их семьи, предлагалось сократить на 30%. Нью-Йорк и Париж выражали беспокойство, но Банк Англии хотел взять реванш у лейбористского правительства и даже втайне призывал потенциальных американских и французских кредиторов ужесточить условия предоставления кредитов. В вопросе о поддержании золотого стандарта существовало принципиальное единодушие, но сам Макдональд признавался своим коллегам в том, что требуемое от них представляет собой «отрицание всего, за что выступала лейбористская партия».

Когда кабинету министров не удалось прийти к единому мнению, Макдональд подал в отставку и сформировал межпартийное Национальное

правительство, которое в отсутствие в своем составе опасных социалистов объявило о значительном повышении налогов и сокращении расходов. Но этого было недостаточно. В пятницу, 18 сентября, несмотря на помощь нью-йоркского отделения Федерального резерва и Банка Франции, Лондон сдался. Банк Англии находился далеко не в том положении, в котором летом находился Берлин. Но у него и не было желания оказаться в таком положении. Даже если бы Нью-Йорк и Париж оказали помощь в виде экстренных займов, к середине понедельника 21 сентября Банку Англии всё равно пришлось бы принять действительно решительные меры. Но Макдональд решил взять это унижение на себя и признал, что фунт стерлингов покидает зону золотого стандарта.

<...> [Э]то было действительно событием мирового значения, которое привело к краху банков в Америке и панике в Берлине. <...> Золотой стандарт определял дисциплину и координацию действий, которые были поставлены Вашингтоном и Лондоном во главу угла послевоенной стабилизации. С падением фунта стерлингов рушилась Британия, а за ней — вся империя и все ее более мелкие торговые партнеры. Первой реакцией на приостановку действия золотого стандарта был шок. Но события следующего года позволили стабилизировать фунт стерлингов на новом, гораздо более конкурентном уровне, и Национальное правительство Британии, во главе которого по-прежнему стоял Макдональд, обнаружило, что для страны, достигшей определенного уровня кредитоспособности на мировом рынке, плавающий курс обмена валюты означал не катастрофу, а возможность творческого обновления экономического либерализма [Eichengreen, 1992. Р. 279—316]. При сохранившейся банковской системе низкие процентные ставки стали эффективным стимулом для восстановления Британии. В сравнении с США или континентальной Европой происходившее в Британии в 1930-х годах выглядело далеко не столь удручающе.

Однако открытие Британией того, что Кейнс позже назовет «подлинным либерализмом», имело более широкие последствия. Падение фунта стерлингов сильно отразилось на торговых партнерах Британии. И этот эффект лишь усилился с принятием в феврале 1932 года протекционистских мер. Это был не первый случай протекционизма. И не самый плохой. В июне 1930 года через конгресс был проведен печально известный закон Смута—Хоули о тарифе. Правда, протекционизм американцев ни у кого удивления не вызвал. Девальвация и введение тарифов в Британии указывали на сбой внутри самого режима. Со времени отмены в 1840-х годах хлебных законов Британия была столпом, на котором строилась свободная торговля. Теперь на Британию ложилась ответственность за раскручивание губительной спирали протекционизма и развязывание войны курсов валют под девизом «разори ближнего твоего», которые разрывали мировую экономику на части. По признанию крупного британского чиновника, «ни одна страна не наносила более сокрушительного удара по мировой торговле», чем Британия, когда пустила в ход комбинацию из девальвации и протекционизма [Forbes, 2000. Р. 99].

<...>

В условиях резко обострившейся стратегической обстановки в Восточной Азии финансовый кризис 1931 года оказал самое прямое воздействие на последовавшую за ним военную эскалацию. В Европе и на противоположном берегу Атлантики крушение происходило постепенно. После 1931 года золотой стандарт сохранялся во Франции и Италии. Правда, это привело не к «активизации» политики, как в Японии, а к тому, что тиски дефляции всё теснее сковывали свободу действий этих стран. То обстоятельство, что Муссолини совместил это с экспансионистскими амбициями в своей внешней политике, свидетельствовало о разрушительной иррациональности его режима. Во многом из-за этого вооруженные силы Италии так и не сумели осуществить мечты дуче о завоеваниях. В свою очередь Франция, обладавшая огромными золотыми запасами, несмотря на дефляцию, не видела особого смысла в отказе от золотого стандарта. В полной мере отрицательные последствия дефляции дали о себе знать лишь в 1932 году.

По-настоящему невыносимой становилась ситуация в Германии, которая не могла пойти на девальвацию, поскольку была связана колоссальными деноминированными в долларах иностранными долгами, масса которых неизбежно увеличилась бы в случае обесценивания рейхсмарки. В отличие от Банка Англии Рейхсбанк не располагал запасами, которые можно было бы использовать при отражении спекулятивных атак, неизбежных в случае отказа от золотого стандарта. Кроме того, Вашингтон ясно давал понять, что предпочитает, чтобы Германия выдержала паузу, воспользовавшись введенным летом контролем над обменом валюты и мораторием на выплаты. В этом случае Германия могла, по крайней мере, обслуживать свои долги на Уолл-стрит. Тем временем ситуация, когда Германия в своей торговле придерживалась золотого паритета, а Британия девальвировала свою валюту, неизбежно вела к катастрофе. До сентября 1931 года кабинет министров Брюнинга мог, по крайней мере, говорить о том, что проводимая им жесткая дефляционная политика позволяет повысить экспортную конкурентоспособность страны. Теперь, когда Германия с трудом держалась за обломки рассыпающегося золотого стандарта, германский экспорт получал один удар за другим. К концу 1931 года численность безработных увеличилась с 4 до 6 млн и волна банкротств накрыла промышленность Германии. Былого консенсуса по вопросу о дефляции уже не было. Если уже не существовало международной системы, перед которой требовалось выполнять свои обязательства, то в чем же тогда заключался смысл очередной серии правительственных декретов о снижении заработной платы и цен? По всей Германии всевозможные группы экспертов, представители интересов различных деловых групп и политические деятели призывали разработать согласованную политику экономического спасения страны.

Одна дискуссия развернулась вокруг профсоюзного движения, в другой дискуссии приняли участие многие авторитетные лица, поднявшие кампанию против плана Юнга, а также члены гитлеровской Национал-социалистической партии. Летом 1932 года нацисты провели широкую

предвыборную кампанию с использованием красочных плакатов, разъяснявших предлагаемую ими программу создания рабочих мест, и одержали убедительную победу на выборах. Гитлеровская партия получила 37% голосов, что было лишь немногим меньше того, что набрала Социалистическая партия в ходе выборов 1919 года. Правому крылу не удалось обеспечить себе большинства. ГННП испытывала финансовые трудности. На вторых общих выборах, состоявшихся в ноябре 1932 года, число голосовавших за нацистов начало уменьшаться. Но именно этот прорыв во время полной отчаяния зимы 1931–1932 года позволил Гитлеру выдвинуть свою кандидатуру на пост канцлера. В январе 1933 года, когда попытки объединить страну, предпринятые сначала консервативным Францем фон Папеном, а затем военным диктатором генералом фон Шляйхером, провалились, пришло время Гитлера возглавить национальную коалицию [Tooze, 2006. P. 1–33; Evans, 2003].

Военный класс и группы экономических интересов, такие как аграрии, немного теряли, отказываясь от интернационализма. В то же время другие влиятельные группы, особенно крупный бизнес, расставались с появившимися у них в 1920-х годах ожиданиями не столь поспешно. В таких странах, как Япония и Германия, многосторонние торговые связи при поддержке со стороны Британии составляли основу экономического развития. Мог ли кто-нибудь предположить, что этот основополагающий элемент мирового порядка может исчезнуть? <...> В феврале 1932 года в Женеве начался второй раунд переговоров по разоружению [Steiner, 2005. P. 755–799]. В июне того же года в Европе на Лозаннской конференции был наконец окончательно решен вопрос репараций. Франция придерживалась ортодоксальной монетаристской позиции. Отказ от золотого стандарта Британии и Японии был серьезным, но, возможно, не бесповоротным шагом. Летом 1932 года появились некоторые признаки выхода экономики из рецессии. На лето 1933 года было намечено проведение в Лондоне большой конференции, в повестке дня которой стояли вопросы реконструкции мировой экономики и в связи с этим рассмотрение одного вопроса, имевшего решающее значение: какова позиция Соединенных Штатов?

IV

<...>

Начиная с 1870-х годов золотой стандарт считался флагманом respectable политической жизни Америки. В ходе борьбы за золото в 1890-е годы сформировалось новое поколение прогрессивистов, наследниками которых стали Вильсон и Гувер. Но к весне 1933 года золотые запасы Америки были в такой степени истощены, а банковская система пережила столь сильные потрясения, что 19 апреля Рузвельт объявил об отказе Америки от золотого стандарта. Это решение заложило основу финансовой стабильности, необходимой для восстановления Соединенных Штатов [Romer, 1992. P. 757–784]. Однако неожиданное обесценивание доллара в сочетании

с заоблачными тарифами чрезвычайно затрудняли экспорт в США [Schuker, 1988. Р. 101–105]. Вдобавок, после того как было восстановлено доверие инвесторов, фонды возвратились в Нью-Йорк, поглотив ликвидные активы, имевшиеся в других частях света.

По мере приближения лета нарастающая обособленность Америки поставила под вопрос международную экономическую конференцию, которую Британия и Франция намеревались провести в Лондоне, причем произошло это именно тогда, когда всё более очевидным становилось опасное развитие ситуации в Германии. Гитлеровская коалиция публично заявляла о своем стремлении к миру и восстановлению своей страны. Она не решалась пойти на немедленный открытый разрыв с мировым порядком. Но ни для кого не было секретом, что гитлеровское правительство уделяет перевооружению не меньшее внимание, чем дорожному строительству. Тем временем Ялмар Шахт, чьи знания и авторитет были востребованы в ходе кампании, направленной против плана Юнга, при Гитлере вновь занял пост президента Рейхсбанка. Он незамедлительно отправился в Вашингтон, надеясь договориться о том, чтобы приостановить обслуживание долгов Германии. 9 июня 1933 года, получив отказ за три дня до начала конференции в Лондоне, где должны были собраться представители 66 стран, Шахт объявил о том, что Германия в одностороннем порядке вводит мораторий на выплаты. На конференции глава германской делегации Альфред Гугенберг пошел еще дальше, решительно потребовав возврата Германии ее колониальных активов и в открытую предложив создать антикоммунистический пакт, направленный против Сталина. Но летом 1933 года новое, приводящее в ужас правительство Германии оказалось на втором плане. На международной экономической конференции главным был вопрос о том, смогут ли Америка, Франция и Британия договориться о дальнейших действиях в условиях резких скачков курса доллара и фунта стерлингов по отношению к франку, ставшему теперь ведущей валютой, привязанной к золоту. Длившиеся весь июнь переговоры могли привести к согласию. Но 3 июля Рузвельт подписал свою «телеграмму-бомбу», в которой заявлял об отказе от любых попыток стабилизации американской валюты, как не отвечающих интересам восстановления экономики. Американской экономике был необходим плавающий курс доллара, а каким образом это отразится на остальном мире, не имело никакого значения. В Берлине намек поняли. В октябре Гитлер отозвал германскую делегацию с переговоров по вопросам разоружения в Лиге Наций и объявил практически полный дефолт по всем действовавшим международным обязательствам Германии.

Германия и Япония одновременно решились на полный разрыв с послевоенным порядком — в стратегии, политике и экономике, — и кто мог им противостоять? Наводящей всеобщий страх коалиции, доминировавшей в мире в 1919 году и, казалось, способной соблюдать нейтралитет еще в 1930-м, уже не существовало. В 1931 году Франция и Британия неохотно приняли мораторий Гувера. Летом 1932 года на Лозаннской конференции они окончательно освободили Германию от дальнейших

выплат репараций. Делая этот шаг, они исходили из того, что будут также сняты все требования по союзническим долгам. Но конгресс так и не утвердил мораторий, объявленный Гувером. Когда Гувер дал понять, что желает, чтобы этот мораторий действовал постоянно, то немедленно получил отказ. В декабре 1931 года американские законодатели решили напомнить миру, что «любая отмена или сокращение любой задолженности иностранных государств перед Соединенными Штатами противоречит политике, проводимой конгрессом». Было совершенно очевидно, что мораторий Гувера строился не на желании защитить Лондон и Париж, а на стремлении спасти инвестиции Уолл-стрит в Германии и что введение такого моратория означало одностороннюю дискриминацию кредиторов, связанных с репарациями. Британские дипломаты были ошеломлены. <...>

Столкнувшись с казавшимися безответственными действиями вашингтонских законодателей, Лондон и Париж сделали немыслимое. К концу 1933 года правительства Британии и Франции, некогда бывших столпами мировой финансовой системы и активными членами демократического союза с Соединенными Штатами, приостановили выплаты по миллиардным займам, полученным у американского народа. Лишь маленькая Финляндия продолжала платежи по всем своим долгам. 30 мая 1934 года в своих дневниках Рамсей Макдональд, самый проамерикански настроенный из всех британских премьер-министров, записал в своем дневнике: «Платежи, ведущие к нарушению финансового порядка (каким бы он ни был), являются предательством по отношению ко всему миру. Мы вынуждены взять на себя выполнение неблагодарной задачи и положить конец безрассудству, заставляющему нас платить» [Self, 2007. P. 286].

Ekonomicheskaya Politika, 2016, vol. 11, no. 3, pp. 138-175

Adam TOOZE, Professor of history.
E-mail: adam.tooze@columbia.edu.

Columbia University city of New York (413 Fayerweather Hall, MC2527,
1180 Amsterdam Avenue, New York, N. Y.10027).

Europe on the Brink

Abstract

A century after the outbreak of fighting, Yale historian Adam Tooze takes an entirely new perspective on “the war to end all wars,” focusing on the closing years of the conflict and its aftermath up to the Great Depression. This tumultuous period saw hopes for lasting peace and liberal internationalism collide with violent upheavals and the ultimate rise of totalitarian regimes. And it saw the emergence of a new global order in which all the major powers — the war’s winners and losers alike — saw their fates bound up with those of the United States, now the world’s dominant economic force. This publication presents the sections of the book, which describes the situation of Weimar Germany.

Key words: Weimar Germany, Great depression, First world war, international economic relations.
JEL: N4, F5.

References

1. Adler S. *The uncertain giant, 1921–1941: American foreign policy between the wars*. N. Y., 1965.
2. Bariéty J. *Les relations Franco-Allemands après la Premiure Guerre Mondiale*. Paris, 1977.
3. Berg M. *Gustav Stresemann und die Vereinigten Staaten von Amerika: weltwirtschaftliche Verflechtung und Revisionspolitik, 1907–1929*. Baden-Baden, 1990.
4. Boyce R. *The great interwar crisis and the collapse of globalization*. L., 2009.
5. Cairns J. C. A nation of shopkeepers in search of a suitable France: 1919–1940. *The American Historical Review*, 1974, vol. 79, no. 3 (June).
6. Cohrs P. *The unfinished peace after World War I: America, Britain and the stabilisation of Europe, 1919–1932*. Cambridge, 2006.
7. *Documents on British Foreign Policy (DBFP), 1919–1939*. 1st ser. L., 1974, vol. 13–14.
8. Dulles E. L. *The French franc, 1914–1928: The facts and their interpretation*. N. Y., 1929.
9. Eichengreen B. *Golden fetters: The gold standard and the Great Depression, 1919–1939*. Oxford, 1992.
10. Erdmann K. D. *Adenauer in der Rheinlandpolitik nach dem Ersten Weltkrieg*. Stuttgart, 1966.
11. Evans R. *The coming of the Third Reich*. L., 2003.
12. Feldman G. Bayern und Sachsen in der Hyperinflation 1922. *Historische Zeitschrift*, 1984, no. 238.
13. Feldman G. D. *Hugo Stinnes: Biographie eines Industriellen 1870–1924*. Munich, 1998.
14. Feldman G. D. *The great disorder: Politics, economics, and society in the German inflation, 1914–1924*. Oxford, 1993.
15. Ferguson T., Temin P. Made in Germany: The german currency crisis of 1931. *Research in Economic History*. 2003, no. 21.
16. Fink C. (ed.) *Genoa, Rapallo and European reconstruction in 1922*. Cambridge, 1991.
17. Fischer C. *The Ruhr crisis, 1923–1924*. Oxford, 2003.
18. Forbes N. *Doing business with the nazis*. L., 2000.
19. Friedman M., Schwartz A. *A monetary history of the United States, 1867–1960*. Princeton, NJ, 1963.
20. Fulda B. *Press and politics in the Weimar Republic*. Oxford, 2009.
21. Gökyay B. *A clash of empires: Turkey between Russian Bolshevism and British Imperialism, 1918–1923*. L., 1997.
22. Herriot E. *Europe*. Paris, 1930.
23. Heyde P. *Das Ende der Reparationen*. Paderborn, 1998.
24. Heywood A. *Modernising Lenin's Russia: Economic reconstruction, foreign trade and the railways*. Cambridge, 1999.
25. Himmer R. Rathenau, Russia, and Rapallo. *Central European History*, 1976, no. 9.
26. Jackson P. French security and a British “Continental Commitment” after the First World War: A reassessment. *English Historical Review*, CCXVI, 2011, no. 519.
27. James H. *The German slump: Politics and economics, 1924–1936*. Oxford, 1986.
28. Krumeich G., Schröder J. (eds.) *Der Schatten des Weltkrieges: Die Ruhrbesetzung, 1923*. Essen, 2004.
29. Lauter A.-M. *Sicherheit und Reparationen die französische Öffentlichkeit, der Rhein und die Ruhr (1919–1923)*. Essen, 2006.
30. Leffler M. *The elusive quest: America's pursuit of European stability and French security, 1919–1933*. Chapel Hill, NC, 1979.
31. Liberman P. *Does conquest pay? The exploitation of occupied industrial societies*. Princeton, NJ, 1996.
32. Link W. *Die Amerikanische Stabilisierungspolitik in Deutschland, 1921–1932*. Dusseldorf, 1970.
33. Linke H. G. Der Weg nach Rapallo: Strategie und Taktik der deutschen und sowjetischen Außenpolitik. *Historische Zeitschrift*, 1997, no. 264.
34. Lipgens W. Europäische Einigungsidee 1923–1930 und Briands Europaplan im Urteil der deutschen Akten (Part 2). *Historische Zeitschrift*, 1966, vol. 203, no. 1.
35. Lipgens W. Europäische Einigungsidee 1923–1930 und Briands Europaplan im Urteil der deutschen Akten (Part 2). *Historische Zeitschrift*, 1966, vol. 203, no. 2.

36. Maier C. S. *Recasting bourgeois Europe: Stabilization in France, Germany, and Italy in the decade after World War I*. Princeton, NJ, 1975.
37. Marquand D. *Ramsay MacDonald*. London, 1997.
38. Martin B. *France and the Aprus Guerre, 1918–1924: Illusions and disillusionment*. Baton Rouge, LA, 1999.
39. McNeil W. *American money and the Weimar Republic: Economics and politics on the eve of the Great Depression*. N. Y., 1986.
40. Meltzer A. *A history of the Federal Reserve*. Chicago, IL, 2003, vol. 1.
41. Mommsen H. *The rise and fall of Weimar Democracy*. Chapel Hill, NC, 1996.
42. Orde A. *British policy and European reconstruction after the First World War*. Cambridge, 1990.
43. *Papers Relating to the foreign relations of the United States: Lansing Papers (FRUS: Lansing Papers)*. Washington, DC, 1922, vol. 1.
44. Patch W. *Heinrich Brüning and the dissolution of the Weimar Republic*. N. Y., 1998.
45. Pogge Von Strandmann H. Großindustrie und Rapallopolitik Deutsch-Sowjetische Handelsbeziehungen in der Weimarer Republik. *Historische Zeitschrift*, 1976, vol. 222, no. 2.
46. Polanyi K. *The great transformation: The political and economic origins of our times*. Boston, MA, 1944.
47. Pryce D. The Reich government versus Saxony, 1923: The decision to intervene. *Central European History*, 1977, no. 10.
48. Raithel T. *Das Schwierige Spiel des Parlamentarismus: Deutscher Reichstag und französische Chambre des Députés in den Inflationskrisen der 1920er Jahre*. Munich, 2005.
49. Ritschl A. *Deutschlands Krise und Konjunktur 1924–1934: Binnenkonjunktur, Auslandsverschuldung und Reparationsproblem zwischen Dawes-Plan und Transfersperre*. Berlin, 2002.
50. Romer C. What ended the Great Depression? *The Journal of Economic History*, 1992, vol. 52, no. 4.
51. Scheck R. Politics of illusion: Tirpitz and right-wing putschism, 1922–1924. *German Studies Review*, 1995, no. 18.
52. Schuker S. *American 'reparations' to Germany, 1919–1933*. Princeton, NJ, 1988.
53. Schuker S. A. Europe's banker: The American banking community and European reconstruction, 1918–1922. In: M. Petricoli, M. Guderzo (eds.). *Une Occasion manquée 1922: la reconstruction de l'Europe*. Frankfurt, 1995.
54. Schuker S. Les États-Unis, la France et l'Europe, 1929–1932. In: J. Bariéty (ed.), *Aristide Briand, la Société des Nations et l'Europe, 1919–1932*. Strasbourg, 2007.
55. Schuker S. A. *The end of French predominance in Europe: The financial crisis of 1924 and the Adoption of the Dawes Plan*. Chapel Hill, NC, 1976.
56. Schulz G. (ed.) *Konrad Adenauer 1917–1933*. Cologne, 2003.
57. Schwabe K. (ed.) *Die Ruhrkrise 1923: Wendepunkt der internationalen Beziehungen nach dem Ersten Weltkrieg*. Paderborn, 1985.
58. Schwarz H.-P. *Konrad Adenauer: A German politician and statesman in a period of war, revolution, and reconstruction*. Oxford, 1995, vol. 1.
59. Self R. *Britain, America and the war debt controversy: The economic diplomacy of an unspecial relationship, 1917–1941*. L., 2006.
60. Self R. Perception and posture in Anglo-American relations: The war debt controversy in the "Official Mind", 1919–1940. *The International History Review*, 2007, vol. 29, no. 2.
61. Shorrock W. I. France and the rise of fascism in Italy, 1919–1923. *Journal of Contemporary History*, 1975, no. 10.
62. Siegel J. *For peace and money. French and British finance in the service of tsars and commissars*. Oxford University Press, 2014.
63. Société des Nations, *Documents relatifs à l'organisation d'un régime d'Union Fédérale Européenne*, Séries de publ. questions politique, VI. Geneva, 1930.
64. Spaulding R. *Osthandel and ostpolitik: German foreign trade policies in Eastern Europe from Bismarck to Adenauer*. Oxford, 1997.
65. Steiner Z. *The lights that failed: European international history, 1919–1933*. Oxford, 2005.

66. Stone D. R. The prospect of war? Lev Trotskii, the Soviet Army, and the German revolution in 1923. *The International History Review*, 2003, vol. 25, no. 4 (December).
67. *The New York Times*, Germany pledges a holiday on arms. 1931, 6 July.
68. *The Times*, Labour and allied debts, 1923a, 13 December.
69. *The Times*, MacDonald on Ruhr. 1923b, 12 February.
70. *The Times*, Mr MacDonald on Ruhr "Success". 1923c, 26 September.
71. Tooze A. *Wages of destruction: The making and breaking of the Nazi economy*. L., 2006.
72. Trotsky L. *Disarmament and the United States of Europe*. (October 1929). <http://www.marxists.org/archive/trotsky/1929/10/disarm.htm> [Троцкий Л. Разоружение и Соединенные штаты Европы. Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. 4 октября. komintern-online. com/trotm256.htm].
73. White S. *The Origins of détente: The Genoa Conference and Soviet-Western relations, 1921–1922*. Cambridge, 1985.
74. Wirsching A. *Vom Weltkrieg zum Bürgerkrieg? Politischer Extremismus in Deutschland und Frankreich, 1918–1933/39 Berlin und Paris im Vergleich*. Munich, 1999.
75. Wright J. *Gustav Stresemann: Weimar's greatest statesman*. Oxford, 2002.